

С Е Р И Я

С О Ц И А Л Ь Н А Я

Т Е О Р И Я

The WORLD

*A Beginner's
Guide*

GÖRAN THERBORN

Polity

МИР

Руководство

для начинающих

ЙОРАН ТЕРБОРН

Перевод с английского
Е.М. ГОРБУНОВОЙ,
Л.Г. ТИТАРЕНКО

Второе издание

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2017

УДК 316.4
ББК 60.0
Т35

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
СТАНИСЛАВ ГАВРИЛЕНКО

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Терборн, Й.

Т35 Мир: Руководство для начинающих [Текст] / пер. с англ. Е. М. Горбуновой, Л. Г. Титаренко; под науч. ред. С. М. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 336 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1523-5 (в пер.).

Как будет выглядеть мир XXI века, когда теперь главенство Запада больше не является данностью? Как сформировались общества и культуры, существующие сегодня в мире, и как они связаны между собой? И что движет человеческим обществом в наши дни? Короче говоря, каково состояние мира сегодня, когда мы вступаем во второе десятилетие XXI века?

Это первая книга, в которой рассматривается планетарное человеческое общество в целом. В ней излагается социокультурная геология мира, его основных цивилизаций, его исторических волн глобализации, его систем семьи — пола — гендера и его путей к современности; описывается динамика мира, его основные движущие силы и очертания наиболее важных глобальных и субглобальных процессов. В книге показаны большие командные игроки на мировой сцене (богатые страны, разнообразные религии и движения, корпорации и города) и прослеживаются жизненные пути мужчин и женщин на всех континентах от их рождения и детства до старости и смерти.

Написанная доступным языком, книга представляет интерес не только для социологов, политологов, историков, но и для широкого круга читателей.

УДК 316.4
ББК 60.0

Перевод книги: Göran Therborn. The World. A Beginner's Guide (Polity Press, 2011).

This edition is published by arrangement with Polity Press Ltd., Cambridge.

ISBN 978-0-7456-4344-1 (англ.)
ISBN 978-5-7598-1523-5 (рус.)

© Göran Therborn 2011
© Пер. на рус. яз., оформление.
Издательский дом Высшей
школы экономики, 2015; 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ТАБЛИЦ.....	9
СПИСОК КАРТ.....	10
ПРОЛОГ: ВНАЧАЛЕ БЫЛО... ..	11
ВВЕДЕНИЕ: ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ЕГО МИР.....	14
I. ПОЧЕМУ МЫ ТЕ, КТО МЫ ЕСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ГЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА	19
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РОК	21
Синская (sinic) цивилизация	22
Индийская цивилизация	28
Цивилизация Западной Азии.....	35
Европейская цивилизация	40
Черная Африка (Африка к югу от Сахары).....	44
СИСТЕМЫ «СЕМЬЯ — ПОЛ — ГЕНДЕР»	50
Конфуцианская восточноазиатская модель семьи	50
Южноазиатская индуистская модель семьи	52
Исламская западноазиатская /	
североафриканская модель семьи	53
Христианско-европейская модель семьи	55
Семейные системы Черной Африки.....	57
Юго-восточная азиатская модель семьи	
(религиозно-плюралистическая).....	58
Американо-креольская семья	59
ОТЛОЖЕНИЯ ШЕСТИ ВОЛН ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	60
Образование мировых религий и установление границ	
цивилизаций, IV–VIII вв. н.э.....	61
Европейский колониализм, XVI — начало XVII в.	69
Франко-британская мировая война 1750–1815 гг.	
и усиление европейской супердержавы.....	71
Всеобщий империализм и возникновение разделения	
на экономически развитые и отсталые страны,	
1830–1918 гг.	73

Глобализированная политика, 1919; 1941; 1947–1989 гг.	78
Самоутвержденная глобализация и ее изменяющиеся смыслы, 1990 г. —	81
ПУТИ К МОДЕРНУ И ИХ НАСЛЕДИЕ	85
Европейский интернализм	88
Новый Свет и его Другие	90
Колониальная травма: отождествление с агрессором или восстание против него	92
Приспособительные раскрытия и закрытия реактивной модернизации	96
Гибридные пути: в первую очередь Россия и Китай	98
ПОСЛЕДСТВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ	105
Различные нации эпохи модерна	105
Формы представительного правления	110
СУДЬБА РЕЛИГИЙ	116
ОКНА ВОЗМОЖНОСТЕЙ	119

II. МИРОВАЯ ДИНАМИКА: ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ДВИЖУЩИЕ МЕХАНИЗМЫ

СПОСОБЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ: ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА И ПРОЧЕЕ	129
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ И КОНЕЦ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ	133
ЭТНИЧЕСКАЯ, РЕЛИГИОЗНАЯ И СЕКСУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ПРИЗНАНИЯ И УВАЖЕНИЯ	138
ПОЛИТИКА КОЛЛЕКТИВНОЙ ВЛАСТИ: АПОФЕОЗ ГОСУДАРСТВА	141
КУЛЬТУРА: ГЛОБАЛИЗИРОВАННЫЙ, БЫСТРОРАЗВИВАЮЩИЙСЯ И ОГРАНИЧЕННЫЙ МОДЕРНИЗМ	149
КАНАЛЫ ДИНАМИКИ	154
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ	155
Потоки	155
Сцепления глобального и национального	173
Глобальное действие	174

ПРОЦЕССЫ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ	176
Неравенство: глобальный, национальный и субнациональный уровни	178
III. СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ СЦЕНА.....	182
СЦЕНОГРАФИЯ: МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	183
КРУПНЫЕ ИГРОКИ	185
Неравномерное поле национальных государств.....	185
Корпорации.....	194
Миссионерские организации и общественные движения	198
IV. НАШЕ ВРЕМЯ НА ЗЕМЛЕ: ЖИЗНЕННЫЕ ПУТИ	207
РОЖДЕНИЕ И ВЫЖИВАНИЕ.....	208
ДЕТСТВО	215
Воспитание детей	215
Школьное обучение	218
Труд.....	221
ЮНОСТЬ: СЕКС И КУЛЬТУРА	222
Сексуальная география молодого мира.....	227
Обширное пространство африканской сексуальности.....	228
Пути Азии: контроль и/или осмотрительность.....	229
Креольское неравенство	231
Четыре «западных» варианта.....	232
Брак и конец юности.....	234
ВЗРОСЛОСТЬ	238
Где жить? Урбанизация мира	239
Добывание средств к существованию I: классы трудовой деятельности.....	244
Образование классов в капитализме XXI в.....	252
Добывание средств к существованию II: богатые и бедные.....	266
Удовольствия взрослых: отдых и потребление	272
Правящее и неправящее поколение	276
СТАРОСТЬ.....	277
Выход в отставку и пенсии	278
Жилищные условия	286
ИДЕАЛЬНЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ В XXI в.	289
СМЕРТЬ И ПОСЛЕ СМЕРТИ.....	290

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КАК МЫ ЗДЕСЬ ОКАЗАЛИСЬ И КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ	291
КАК МЫ ЗДЕСЬ ОКАЗАЛИСЬ?.....	292
КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ?	301
ЛИТЕРАТУРА.....	318

СПИСОК ТАБЛИЦ

II.1. Численность международных мигрантов в мире, 2005 г., по континентам (млн чел.)	160
II.2. Ведущие мировые экспортеры культурной продукции, 2002 (млрд долл. США).....	168
II.3. Национальный прирост населения 2000–2008 гг. (ежегодный уровень, %)	177
II.4. Неравенство доходов жителей планеты, по странам и городам, середина 2000-х годов (коэффициенты Джини) ...	180
III.1. Самые многонаселенные страны мира, 2008 г. (млн чел.)	186
III.2. Крупнейшие страны (в 1000 км ²)	187
III.3. Крупнейшие экономики мира: валовой национальный доход, 2008 г.	188
III.4. Самые процветающие страны и доходы крупных стран. Валовой национальный доход на душу населения в паритете покупательной способности, 2008 г. (долл.)	190
III.5. Самые крупные мировые корпорации, 2009 г. (млрд долл.).....	195
III.6. Доли рыночной капитализации крупнейших компаний, 2009 г. (% от общей рыночной стоимости компаний FT500)	196
III.7. Глобальная иерархия городов по уровню бизнес-услуг, 2000, 2008 гг.	198
III.8. Распространение коллективных договоров, 2007 г. (% от занятых)	204
IV.1. Класс, этничность/раса и нация в средней продолжительности жизни мужчин, начало—середина 2000-х годов (средняя продолжительность жизни в годах) ...	214
IV.2. Особенно важные ценности для воспитания в детях: % тех, кто выделяет необходимость послушания, минус % тех, кто выделяет независимость.....	218

IV.3. Урбанизация крупных стран в 2000-х годах (% городского населения среди всего населения страны)	241
IV.4. Труд в регионах мира, 2008 г.	247
IV.5. Трудовой статус по регионам мира, 2006 г. (% от всех занятых)	250
IV.6. Народные классы в Китае и Индии в середине 2000-х годов (% от всей экономической активности)	257
IV.7. Работающие бедные в мире, 2008 г. (% бедного населения среди всех занятых)	267
IV.8. Группы по доходу в мире, около 2005 г. (% от мирового населения)	271
IV.9. Доля работающих мужчин в возрастной группе 65 лет и старше, 2005 г. (%)	283
IV.10. Относительный уровень бедности лиц зрелого и пожилого возраста, середина 2000-х годов (% от соответствующей группы населения)	285
IV.11. Структура домохозяйств пожилых людей в мире, около 2000 г. (% от населения старше 65 лет)	287

СПИСОК КАРТ

1. Языковые семьи Африки	47
2. Мусульманские арабские завоевания. 632–750 гг. н.э.	64–65
3. Распространение индийской цивилизации	68
4. Пути к модерну	102–103

ПРОЛОГ: ВНАЧАЛЕ БЫЛО...

Большинство из нас — новички, когда дело касается человечества в масштабах планеты. Мы гораздо больше знаем о своей собственной стране, иногда — о той части континента, в которой живем: будь то Африка, Европа, Латинская Америка, Северная Америка или часть Азии, но редко имеем представление о целом. И каждый из нас — новичок в XXI в., в веке, который обещает как минимум одно: быть не похожим на предыдущий. Поэтому перед вами руководство для начинающих, написанное для тех, кому любопытно, что происходит в мире; для тех, кто еще не знает всего, что хотел бы узнать; кто не знает того, что мы должны знать о зле, добре и спасении этого мира. Предлагаемая книга не является отражением мнения большинства; это индивидуальный взгляд ученого, результат полувекового опыта социальных исследований, выражающий его страсть к человеческой свободе и равенству и основанный на эмпирических доказательствах.

В этой книге вы найдете социокультурную геологическую карту мира, пространственную схему основных движущих механизмов человеческого общества и определение того, как они действуют в современном мире; получите представление о текущем этапе развития мира и его основных участниках. Вам будет предложено путешествие по жизненному пути человека во всех уголках мира от рождения до жизни после смерти. С другой стороны, эта книга — еще и первая попытка написания такого руководства с использованием никогда ранее не публиковавшихся данных (приводимых лишь на моих лекциях в Кембридже), извлеченных из обширных архивов исследований человека и собственного опыта.

Это путеводитель по миру, написанный в тот момент, когда идея «глобализации» отходит на второй план и проясняется глобальная перспектива. Нам открывается новое пространство социального воображения, не замкнутого более в границах национального государства, и где заявления представителей Североатлантического региона больше не обладают универсальностью; пространство первого или второго, «твердого» или «текучего» модерна, или постмодерна. Это конечная планета,

характеризующаяся огромным разнообразием, взаимозависимым и взаимодействующим. Этот новый мир — мир множества цивилизаций со своей живой историей, а не бинарный мир вчерашних Североатлантических лидеров, противопоставлявших (нашу) цивилизацию угрожающим ей варварам. Это мир новых центров власти и возрождающихся культур, а не только глобальных рынков; мир альтернативных возможностей и различных жизненных путей.

С интеллектуальной точки зрения, возможно, наступает время глобальной социологии как гуманитарной науки, с ее особым вниманием к разнообразию и ограничениям, взаимосвязям и взаимодействиям, а также ее сдержанностью в отношении политических проповедей. Полвека назад в Швеции, в г. Лунде, я поступил в университет с целью изучения политики и экономики, но в процессе обучения узнал о социологии, предлагавшей более научный подход, отражавший скорее локальные особенности, чем универсальную истину. Позднее, в Голландии, я руководил кафедрой политологии, и политическая экономия всегда была важна для меня, хотя моими любимыми учеными были в основном историки, представители модели соединения эрудиции и стиля. Тем не менее я думаю, что социология предлагает наиболее выгодную позицию (точку зрения) для понимания мира в целом, сочетания прошлого и современности. Она широко открыта для других областей знания и дисциплин, сама являясь плюралистической наукой, движимой свободным от парадигматических обязательств любопытством и желанием увязать как можно больше эмпирических доказательств и свидетельств человеческого опыта.

Однако, в конечно счете, все академические дисциплины имеют значение только в пределах узких научных кругов, а эта книга имеет дело с внешним миром. Она написана ученым-гражданином для других граждан мира. Внезапно приходит осознание того, что, помимо всего прочего, мы являемся жителями одной планеты, частью одного человечества.

В заключение несколько слов благодарности. Я не отношу себя ни к кабинетным теоретикам, ни к руководителям исследовательских проектов; я — социолог-ремесленник. Большинство эмпирических фактов, на которых основана эта книга, я распал своими руками, жадно и благодарно пожиная плоды институциональных проектов сбора данных, а также результатов на-

учной работы моих коллег из многих дисциплин. Я также крайне признателен моей студентке Маруте Хердинг за помощь. Кроме того, хочу поблагодарить всех моих студентов в Кембридже за один из самых сложных и стимулирующий опытов преподавания и межкультурного обучения. Я также в долгу перед моим редактором и коллегой, профессором Джоном Томпсоном, за его пронизательные критические замечания и дружескую поддержку.

Кембридж, Англия / Люнбюхольм, Швеция

ВВЕДЕНИЕ: ЧЕЛОВЕЧЕСТВО И ЕГО МИР

Человеческое общество и историю человечества можно понять только через их противоречия. XX век был смертоносным, худшим после XVI в. и европейского завоевания Америки; однако на него пришелся пик чистого прироста населения планеты. Он породил самый ужасный в человеческой истории геноцид, основанный на расизме, оставил нам в наследство осознание единства человечества, существующего в рамках общего конечного мира.

Права человека, Интернет, «глобализация» и Киотский протокол (все это — продукты последней четверти прошлого века) открыли новые горизонты социального понимания и социального действия, т.е. человечества и мира, в котором мы живем. Хотя мы и дальше будем, скажем, китайцами или американцами, мусульманами или индустриальными рабочими или банкирами, африканскими женщинами или европейскими мужчинами, молодыми или старыми, мы стали на нашей планете членами и заинтересованными участниками общего человечества.

Это было необыкновенное стечение обстоятельств. Постфашистская Всеобщая декларация прав человека ООН 1948 г. хотя и была передовым документом, ее влияние было незначительным в течение долгого времени. Так, утверждение свободы брака (или отказа от него) систематически нарушалось в большинстве стран Африки, Азии и США (в отношении межрасовых браков), и часто — в остальной части американского континента и в Восточной Европе; недавнее законодательство, по крайней мере, формально освободило молодых людей от родительского контроля в выборе партнера. Права человека стали рассматриваться как серьезная проблема в 1960-х годах благодаря деятельности «Международной амнистии» (*Amnesty International*), но стали частью геополитической повестки дня только к середине 1970-х годов. В 1975 г. западные державы подписали Хельсинкские соглашения, признавая границы Европы после Второй мировой войны, что имело ключевое значение для поляков и большинства жителей других стран Восточной Европы, коммунистических или антикоммунистических. В Северной и Южной Америке права человека также стали одним

из ключевых вопросов во второй половине 1970-х годов. В Латинской Америке они явились способом защиты от поражения после того, как все попытки прогрессивных социальных изменений (за пределами Кубы) были подавлены военными диктатурами. В США проблема прав человека получила положительный резонанс в период президентства Картера. Совершенно непредвиденное взаимозамыкание дипломатии холодной войны и признание США прав человека в Северной и Южной Америке сделали эти права неустранимыми из международной политической повестки, даже несмотря на их нарушения администрациями Рейгана и обоих Бушей.

Сегменты человечества находились в глобальном или, во всяком случае, трансконтинентальном и трансокеаническом контактах в течение длительного времени. Торговля связывала Древний Рим и Индию, а также Индию и Китай около 2000 лет. О присутствии Александра Македонского в Центральной Азии 2300 лет назад свидетельствуют греческой формы статуи Будды в Британском музее. Новым же являются массовые контакты, или контакты масс, массовые перемещения и массовая (само)-коммуникация (self-communication). Глобальное телевизионное спутниковое вещание распространилось в значительных масштабах в 1980-е годы. Интернет стал достоянием общественности в 1991 г. Глобальное общение в чатах и клубах, обмен фотографиями появились в 2000-х годах, вскоре приобретаю десятки, даже сотни миллионов пользователей по всему миру. Сегодня сети и спутники достигают почти любой уголок планеты, в то время как в середине моего профессионального пути (в 1980-е годы) едва ли можно было переписываться с коллегами в Италии из-за ужасного состояния итальянской почты.

После окончания холодной войны «глобализация» стала самой часто используемой социальной концепцией, пик популярности которой пришелся на 1990-е годы. Она отражала настроения того времени, настроения во множественном числе — как положительные, так и отрицательные их колебания. В обоих случаях речь шла о глобальном расширении того, что уже существовало ранее — капитала и рынков прежде всего, но также и о расширении культурных связей. Социальные изменения перестали иметь структурное или культурное содержание, и стали исключительно или преимущественно пространственными. Так или иначе, какие бы критические замечания не вызывал дискурс глобализации, правильность его заключалась в акценте на новую взаимоза-

висимость человечества, обеспечиваемую потоками капитала, товарными цепочками, иностранным проникновением на внутренние рынки, увеличением миграционных потоков, интенсификацией культурного обмена и взаимообогащения.

Проблемы окружающей среды в планетарном масштабе впервые оказались в центре внимания в 1972 г. в связи с докладом «Пределы роста» («The Limits to Growth»), выпущенным небольшой, скорее, аристократической группой под названием «Римский клуб». Доклад имел большой резонанс из-за нефтяного кризиса 1973–1974 гг., разгоревшегося вследствие принятия США израильской стороны в четвертой арабо-израильской войне (войне Судного дня) в 1973 г. Организация Объединенных Наций быстро взялась за решение экологической проблемы, организовав конференции в Стокгольме в 1972 г. и в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и предприняв попытку учреждения глобального законодательства в этой сфере. В 1997 г. был принят Киотский протокол. Из-за отказа Конгресса США ратифицировать соглашение, Киотский протокол не послужил началом конкретных действий по защите окружающей среды; однако с началом XXI в. осознание существования общечеловеческой экологической проблемы в результате антропогенного изменения климата значительно выросло. Усилия ООН в Копенгагене в декабре 2009 г. также были в значительной степени неудачны с точки зрения принятия конкретных решений, однако практически все стороны пришли к согласию о существовании единого человечества, столкнувшегося с экологической проблемой планетарного масштаба.

Это новая ситуация в истории людей: массовое осознание единого человечества, непосредственно соединенного с помощью электронных и спутниковых средств, живущего в рамках одной мировой экономики и одной планетарной окружающей среды. Представление о мировом сообществе имеет свою интеллектуальную историю. В европейской традиции существует понятие «всемирно-гражданский план», использовавшееся Иммануилом Кантом и другими авторами эпохи Просвещения, но еще раньше сходные идеи присутствовали в средневековом универсализме Данте и в защите американских индейцев Бартоломе де Лас Касасом¹ [Bartelson 2009]. Но это было лишь интел-

¹ Бартоломе де Лас Касас (1484–1566) — испанский священник-доминиканец, первый постоянный епископ Чьяпаса и историк Нового Света.

лектуальное представление, и за надеждами Канта на «вечный мир» последовали кровавые Наполеоновские войны, последний этап франко-британской мировой войны. Мир как нечто иное, отличное от всего остального, имеет долгую историю массового увлечения исследованиями и завоеваниями. Мы все в долгу перед интеллектуальной и физической смелостью великих географов и картографов (начиная со Страбона и Меркатора) и великих путешественников и исследователей (ибн Батута², Марко Поло, Чжэн Хэ³, Фернана Магеллана, Джеймса Кука, Александра фон Гумбольдта и др.); мы также наследники неоднозначных «трофеев» великих завоевателей — от Александра Македонского до Чингиз-хана и Эрнана Кортеса и их более поздних последователей.

Теперь наша задача — понять этот новый общечеловеческий мир, чтобы иметь возможность действовать в нем. Самое простое — начать с признания того, что общность не всегда влечет за собой единообразие и равенство. Напротив, любое правильное понимание современного человечества должно учитывать его разнообразие и существующее неравенство, априори не меньшее, чем неравенство, характеризующее помещичьи деревни, колонии, систему индийских каст или современный «глобальный город». Это всего лишь предостережение против обманчивого общего мнения о существовании условий для единообразия и равенства. Но тогда встает реальная задача.

Чтобы понять человечество и его мир и уметь действовать по отношению к ним, мы должны кое-что знать о следующем. Во-первых, почему мы такие, какие есть? Откуда происходят наши особенности, наши знания и заблуждения? Эти вопросы требуют обращения к *социокультурной геологии*, к длительным «слоям» нашей истории, к устойчивым последствиям существо-

Известен своей борьбой против зверств и насилия со стороны испанских колонистов и конкистадоров в отношении коренного населения Америки. Автор фундаментальной «Истории Индий». — *Примеч. ред.*

² Ибн Батутта (1304–1377) — арабский путешественник и купец. Автор книги «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий». — *Примеч. ред.*

³ Чжэн Хэ (1371–1435) — китайский флотоводец, путешественник, дипломат. Возглавлял семь крупных морских торгово-военных экспедиций, посланных императорами династии Мин в страны Восточной Африки, Аравийского полуострова, Индостана и Индокитая. — *Примеч. ред.*

вания древних цивилизаций, множественных волн глобализации, различных путей к современности. Наши взгляды на мир, наши фундаментальные убеждения, эстетические вкусы, наши языки, наши формы социального взаимодействия, наша политика и наши спортивные интересы могут быть прослежены в нашей исторической формации.

Во-вторых, почему мы поступаем именно так, а не иначе? Я покажу, что существуют пять основных движущих механизмов развития человечества, создающих *мировую динамику*. Они ни в коем случае не представляют собой исчерпывающее объяснение человеческого состояния, но стимулируют развитие социального мира. Куда они нас приведут, неведомо ни Богу, ни ученым. Но их можно понять и соответствующим образом использовать.

В-третьих, можно говорить о мировой сцене геополитики и геоэкономики, а также о средствах массовой информации. И хотя мировые идолы и знаменитости являются важной составляющей современного человечества, здесь важно обратить внимание прежде всего на небольшое число крупных коллективных игроков, доминирующих в поле мировой власти.

Далее, существует понятие жизненного пути человека, конечного периода времени, отведенного нам на земле. Каждый из почти семи миллиардов людей проживает свою жизнь по своему, но мы все подчинены влиянию заранее запрограммированных жизненных путей, коротких или длительных, с различными «остановками», характерными вызовами и обрядами перехода, начиная с рождения и младенчества и кончая старостью и смертью. Эти жизненные пути и их возможности в разных частях планеты и в различных социально-культурных средах поддаются социальному пониманию и анализу. Современные жизненные пути человека заданы геологией человеческой истории, поощряются или блокируются динамикой современной мировой сцены.

И наконец, мы сделаем некоторые выводы о том, как человечество пришло туда, где мы сейчас находимся, и предпримем попытку ответить на вопрос, на который трудно или нельзя ответить: куда мы движемся?

1. Почему мы те, кто мы есть: социокультурная геология современного мира

Для того чтобы правильно относиться друг к другу и взаимодействовать, нам, как членам человечества, необходимо понимать наши различия и не только наиболее очевидные: например, что мы не похожи друг на друга и говорим на разных языках. У нас разные фундаментальные ценности и вкусы, представления о мире и ожидания от жизни, разное отношение к телу, полу и семье. Хотя ни один социолог или психолог никогда не будет в состоянии постичь бесконечное разнообразие человеческой индивидуальности. Наши различия, как правило, тяготеют к историческим и географическим моделям, и тем самым могут быть поняты.

Мы, люди, являемся наследниками разных культур и различного исторического опыта. Наша первая задача в попытке понять мир человечества заключается в необходимости разобраться с этим историческим происхождением и опытом. Наиболее перспективным подходом, который едва ли использовался до сих пор, является анализ современных человеческих обществ и конфигураций с точки зрения социальной геологии. Социокультурная матрица, в соответствии с которой мы были созданы, возникла не вчера. Ее лучше воспринимать как образованную отложениями разных социальных процессов различных эпох.

Очерчивание контуров современной глобальной социальной геологии подразумевает обращение к мировой истории; и здесь 1300 (или около того) страниц «краткой» мировой истории Фелипе Фернандеса-Арместо [Fernandez-Armesto 2008] являются прекрасным началом. Эта книга не «заигрывает» с историей, не конкурирует с ней. Она смотрит на пласты истории с выигрышной точки зрения — точки зрения настоящего. В центре нашего внимания не историческая запись, а историческая ДНК, носителями которой мы являемся в своем социальном и культурном оснащении.

С этой точки зрения из множества локальных страт я выделил три наиболее важных обширных слоя человеческой общественной формации. Самый древний слой мы можем, пользуясь повседневным языком, назвать «цивилизациями» (именно во множественном числе). Это пространственно укорененные культурные образования, оказывающие длительное воздействие, с «классическими» языками, текстами и/или устными традициями, с характерными взглядами на жизнь до и после смерти, своим чувством прекрасного, понятиями семьи, пола и гендера.

Во-вторых, на мировые исторические модели общества и культуры постоянно влияют транскультурные, трансгосударственные, трансконтинентальные процессы, которые мы можем обозначить как *волны глобализации* (waves of globalization) (даже притом, что до 1492 г. они не были глобальными в буквальном смысле этого термина). Распространяясь благодаря дальним путешествиям, возможностям коммуникации и обмена на большие расстояния, эти волны ни в коем случае не были исключительно экономическими по своей динамике и значению. Религия и политика также оказывались на переднем крае. Волны глобализации привели к образованию двух важных гибридных систем «семья — пол — гендер» (family — sex — gender systems) в Юго-Восточной Азии и Америке.

Третьим слоем является «модерн» (modernity), мир модерна. Так же как художественные музеи в настоящее время отличают современное (contemporary) искусство от искусства модерна (modern), мы должны отличать современный мир от мира модерна. Последний является важнейшим историческим слоем нашей формации по двум причинам. Во-первых, в борьбе за культурное доминирование модерн двигался разными путями и сталкивался с различными группами сторонников и противников. Эти пути повлияли на то, насколько большой вес мы придаем сегодня религии, идеологии, классу и языку. Во-вторых, рождение мира модерна ознаменовало появление современного разделения, эвфемистически обозначаемого как «развитые» и «развивающиеся» (или «слаборазвитые») страны. Почти для любого из нас факт рождения в той или иной стране имеет огромное значение. Почему этот разлом образовался и разделяет мир уже в течение двух веков, остается предметом бесконечных споров. Но вопрос, как это случилось, кажется несколько

менее спорным. С геологической точки зрения этой книги этот разлом образовался благодаря слиянию путей к модерну и четвертой волны исторической глобализации.

Другими словами, мы есть те, кто мы есть, благодаря цивилизации и системе «семья—пол—гендер», в которой были воспитаны; месту нашего дома в повторяющихся исторических волнах глобализации, следующих одна за другой; и, наконец, опыту борьбы нашего общества *за* и *против* модерна. Индивидуалисты не ошибутся, добавив, что эти условия могут быть другими и даже отвергнутыми; но они наивны, если полагают, что можно не учитывать их воздействие.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РОК

Глобальный геологический подход, принятый в этой книге, сужает и фокусирует наш взгляд на цивилизациях, к исследованию которых можно подойти по-разному (см.: [Braudel 1963/1987; Fernandez-Armesto 2000; Huntington 1996; International Sociology 2001]). Сравнительное исследование евразийских цивилизаций стало «изящным искусством» уже в Багдаде IX в. [Chaudhuri 1990: 67]. Мы говорим о крупных, устойчивых во времени культурных образованиях, актуальных для нашего современного мира. Исторически они были сформированы геопространственными силами. Первое правило грамматики цивилизаций Броделя гласило, что «цивилизации — это пространства», однако этот факт может ускользнуть от взгляда неспециалиста. Эти образования характеризуются наличием своего космологического и морального мировоззрения, структуры символического воображения, и — в письменных цивилизациях — одного или нескольких классических языков и классических канонов космологии, этики, политики и эстетики. Возможные столкновения или диалог между цивилизациями не являются предметом нашего исследования. Далее мы рассмотрим, в какой степени цивилизации оказывают влияние на динамику современного мира.

Для этой цели мы выделим пять основных древних цивилизаций, обладающих устойчивым значением. Это не исчерпывающий список, но я утверждаю, что не существует никакой другой цивилизации, обладающей таким же или бóльшим значением с точки зрения количества людей, «воспитанных» в ней. Следует

помнить, что мы не стремимся дать краткое историческое описание цивилизаций или другого слоя социокультурной геологии мира; наша задача — показать их ключевые особенности, имеющие актуальное значение.

Синская (Sinic) цивилизация

Синская цивилизация является самой крупной. Зародившаяся и сосредоточенная в Китае, она позже распространилась далеко за пределы Ханьской (*Han*) культуры на Корею, Японию и Вьетнам. Прилагательное «синский» используется в цивилизационном анализе для обозначения этой более крупной формы. Один исследователь недавно назвал ее «синосферой» (*Sinosphere*) [Fogel 2009]. Ее китайское ядро, развивавшееся вдоль и между рек Янцзы и Хуанхэ, является самой древней из всех основных существующих цивилизаций. И это — единственная сохранившаяся цивилизация из всех великих древних речных цивилизаций, включая основанные на берегах Евфрата и Тигра, а также Нила и Инда. Это цивилизация с высокой плотностью населения, питающегося рисом и просом, управляемая крупной централизованной политической организацией, которая только в виде исключения оказалась поделенной между разными правителями. Это оседлая цивилизация, которая более 2000 лет назад в качестве защиты от кочевых «варваров» создала крупнейшее в человеческой истории сооружение — Великую китайскую стену.

Наиболее характерной особенностью синского мировоззрения является не-трансцендентная моральная и социальная философия без Бога и богов. Обычно ее обобщенно именуют «конфуцианство». Распространившиеся в настоящее время по миру китайские культурные центры носят имя Конфуция (умершего в 479 г. до н.э.). Синская цивилизация — это отчетливо мирская цивилизация без священных текстов, божественных писаний и откровений. Жизнь человека проходит в соответствии с законами родства, и моральным долгом является его сохранение и почитание. Домашние алтари посвящены не богам, а предкам. Ключевой социальной нормой является «сыновняя почтительность» — любовь и уважение сына к своему отцу.

Это верно, что синская традиция признает нечто вземное и возвышенное: император был Сыном Неба и правил на основании его мандата. Но это Небо, оставаясь неопределенным, не

скрывало ни господствующего патриарха (Бога в иудаизме, христианстве или исламе), ни божественных драм и воплощений индуизма, ни анимизма потустороннего африканских верований. Император может лишиться мандата, но не потому что был нарушен какой-то божественный закон. «Небо видит, как люди видят; Небо слышит, как люди слышат», объяснял Мэн-цзы, образцовый ученик Конфуция [Tu 1990: 119]. Сам Конфуций задал эту мирскую ориентацию: «Если вы еще не в состоянии выполнить свой долг перед человеком, как же вы можете выполнить свой долг перед духами?»; «Не понимая жизни, как вы можете понять смерть?» [Vodde 1981: 321]. Эта моральная философия оставляла обширное пространство не только для различных религиозных верований (буддизм и даосизм вместе с конфуцианством составляют «Три учения» Китая), но и для всех видов магических представлений и практик. Однако это пространство всегда будет периферийным, как если бы в Европе и Западной Азии христианство и ислам оставались народными побочными побегам господствующей аристотелевской философии.

Современному миру конфуцианство оставило в наследство светскую политику, меритократический образовательной креденциализм и патриархальную семейственность. Хотя объяснимая гордость за древнюю силу и славу способствовала консерватизму, политическим модернизаторам «синосферы» никогда не пришлось столкнуться с мощным религиозным противостоянием — ни японским западникам конца XIX в., ни китайским, северокорейским или северовьетнамским коммунистам (с коммунистами Южного Вьетнама было по-другому), ни увлеченным контролем за рождаемостью, введенным в капиталистический период после Второй мировой войны в Южной Корее и на Тайване. Выдающаяся экзаменационная система Китая, которая осуществляла формальный отбор чиновников на основании достижений в классическом образовании и которая не была полностью институционализована в Японии, но распространилась в Китае, Корее и Вьетнаме, определила высокую ценность образования, которое в принципе было доступно для всех. Массовое образование стало козырем в развитии Восточной Азии в XX в. К анализу семейной системы, унаследованной и воспроизводимой, мы вернемся ниже.

Для наследников синской цивилизации ключевой ее особенностью является язык, т.е. письменный язык, идеографическая

китайская письменность. Такая письменность — классический язык этой цивилизации. Она была языком общения образованной части общества во всем регионе по крайней мере до Второй мировой войны, несмотря на то, что разговорные языки оставались взаимно непонятными, а в Японии, Корее и Вьетнаме были изобретены свои варианты письменности. Общение в этой классической китайской письменности обозначалось как «разговор кисти» [Howland 1996: 44ff]. Идеограммы понятны образованным людям на всем пространстве цивилизации поверх национальных границ, так же как цифры и математические символы понятны, скажем, англичанину и русскому. Японцы и корейцы разработали свою собственную более простую слоговую письменность, ставшей доминирующей в XX в.; а в конце XIX в. французским колониальным миссионерам удалось приобщить вьетнамцев — также разработавших свою местную «низко-культурную» письменность, — к латинскому алфавиту, дополненному набором диакритических знаков.

Китайские иероглифы, *кандзи*, до сих пор являются частью японской письменности и классического образования в Восточной Азии. По настоянию своих основных корпоративных доноров крупнейший частный университет Сеула — Корейский университет, — где я преподавал в 2007 г., при приеме студентов требует знания 2000 китайских иероглифов. Эта письменность также дала начало особому виду искусства — каллиграфии. Хотя и не будучи единственной, она (письменность) культивируется также в исламской цивилизации и сохраняет непревзойденное положение в синской цивилизации. Главный монумент пекинской площади Тяньаньмэнь, расположенный перед большим мавзолеем Мао, — обелиск, посвященный «Народным героям». Его оригинальная надпись сделана в каллиграфии Мао, а текст принадлежит премьер-министру Чжоу Эньлаю¹.

Сегодня классическое образование в синской цивилизации, как правило, социально и интеллектуально фрагментировано, так же как и классическое образование в Европе, но мои китайские студенты Кембриджа изучали Конфуция. Надлежащее классическое синское образование включало, прежде всего,

¹ Чжоу Эньлай (1898–1976) — китайский политический деятель, первый премьер Госсовета Китайской Народной Республики с момента ее основания в 1949 г. — *Примеч. ред.*

«Аналекты» Конфуция и конфуцианское «Пятикнижье»: «Книгу перемен», «Книгу документов» (о справедливом правлении), «Книгу песен» (об эмоциях), «Книгу обрядов» (о социальных отношениях), «Вёсны и осени» (летопись древнекитайского княжества Лу) [Tu 1990: 123ff], а также канонические тексты — «Книгу поэзии» и «Книгу музыки» [Poceski 2009: 37].

Классические формы архитектуры сформировались во время правления династии Тан (VII–X в. н.э.), но классические принципы городской планировки зародились задолго до этого. Они по-прежнему определяют центр Пекина (Запретный город и его окрестности), планировку Киото и центрального Сеула, архитектуру конфуцианского комплекса Ван Мьеу в Ханое, часто называемого Храмом литературы [Logan 2000: 26ff]. Современные небоскребы Восточной Азии с их — в целом — международным стилем зачастую содержат отсылки к юго-восточному канону (своеобразный реверанс «вверх тормашками», так как классическая синская архитектура была малоэтажной и горизонтальной) и учитывают принципы фэн-шуй, относящиеся к геомантии. Региональные и национальные версии встречаются по всей Восточной Азии, однако «неоклассическое» строение здесь узнаваемо отличается от южноазиатского или европейского неоклассицизма.

Восточноазиатская часть синской цивилизации — это густонаселенная территория, по-прежнему ориентирующаяся на древние нормы долга и гармонии. Совершение преступления и распад семьи здесь более редки, чем в остальной части мира. Стиль управления может быть авторитарным и репрессивным в отношении диссидентов, однако социальная гармония и согласованное принятие решений остаются важными нормами.

Поддерживаются древние исторические традиции, что выражается, например, в императорских ритуалах Японии, недавно построенных музеях Сеула, новой монументальности Ханоя и в конфуцианском облачении современного китайского государства. В Пхеньяне — известном в начале XX в. как Восточный Иерусалим благодаря успешному прозелитизму шотландских пресвитериан, — разрыв с прошлым выражен сильнее, но в Китае Мао гордился своим классическим образованием, включавшим историю, поэзию и каллиграфию, и активно его использовал. Он несколько раз перечитывал двадцать четыре Династические хроники, охватывающие время правления всех

императоров Китая с 221 г. до н.э. по 1644 н.э., и часто обсуждал их со своим врачом или в частных беседах. Перед своими многочисленными свиданиями он нередко предлагал девушкам прочесть классическое даосское руководство (с древними редкими символами), посвященное интимным отношениям [Li 1994: 122ff, 358].

Личности, порожденные этой цивилизацией, не эгоцентричные, а социоцентричные или контекстно-ориентированные. Языкам этого региона свойственно наличие нескольких слов соответствующих английскому «i» («я»), использующихся в зависимости от социального контекста. Во вьетнамском языке при обращении к родителям или ссылаясь на самого себя, следует избегать употребления местоимений первого лица, а вместо этого использовать такие выражения как «Ваш сын / Ваша дочь» (знанием этого факта я обязан моему бывшему выдающемуся вьетнамскому студенту Пхаму Ван Бику; о китайском, японском и корейском языках см.: [Nisbett 2003: 51ff, 178].

Со времен Древней Греции в современной Европе и Америке всегда существовал интерес к действующему индивиду, к действию и его ограничениям, интерес, возродившийся в социологических дискуссиях 1980-х годов о действии и структуре. Восточноазиатским контрапунктом к этому является интерес к взаимоотношениям, цельности и «гармонии» целого, в котором все люди и группы имеют свое место, как удачное сочетание трав и специй в хорошем блюде. Сегодня достижение «гармонии» представляет явную цель политики китайского правительства. Европейско-американской борьбе добра со злом противопоставлено восточноазиатское избегание разделения и стремление к согласованию. Это цивилизационное наследие лежит, например, в основе японской государственной политики и корпоративного управления, а также принципов принятия решений в АСЕАН². И лучше не злоупотреблять необоснованными примерами непрозрачности современной китайской системы принятия решений на верхнем уровне. Однако есть еще один — видимый — аспект этой системы: ориентация на долгосрочную перспективу, радикальная и терпеливая в одно и то же время, которая харак-

² АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (англ. Association of South East Asian Nations), политическая, экономическая и культурная организация стран региона Юго-Восточной Азии, основанная в 1967 г. — *Примеч. ред.*

теризовала модернистское политическое планирование Японии XIX в. эпохи Мэйдзи³ и отличает социально-экономические реформы в Китае в постмаоистский период.

Используя в своей работе целый ряд фактов со времен древней китайской и античной греческой философий до современных сравнительных исследований развития ребенка, психологии и менеджмента, включая кросс-культурные студенческие эксперименты, американский психолог Ричард Нисбетт продемонстрировал, как синская и европейская цивилизации создали различные способы видения и познания мира. Эти различия присутствовали у великих философов 2500 лет назад, и они же наблюдаются и сегодня, в 2000-е годы, среди родителей, детей, студентов и управленцев. Конечно, эти различия носят вероятностный характер и не вписаны в каждого отдельного китайца, японца, европейца или американца европейского происхождения.

Европейцы склонны описывать мир в аналитических категориях, жители Восточной Азии — через сети отношений. Простой пример, используемый Нисбеттом в его экспериментах (и из-за которого его неожиданно обвинили в европоцентризме), состоит в том, чтобы спросить людей, какие два предмета из трех связаны друг с другом. Например, панда, обезьяна и банан. Европейцы обычно связывают панду и обезьяну как принадлежащих к одной и той же категории — животным. В свою очередь представители Восточной Азии чаще выбирают обезьяну и банан, поскольку обезьяны едят бананы. Евро-американцы видят мир в категории «или — или», в то время как жители Восточной Азии — в противоречивых диалектических категориях: X так же как и не-X. Мао Цзэдун, возможно, не был таким великим мыслителем, как утверждали льстецы, но его вклад в марксизм заключался именно в его чувстве диалектики, присущем китайцу.

Сегодня синская цивилизация особенно гордится богатым культурным наследием древней, продолжающей существовать цивилизации, которая даже после упадка и интеллектуального неприятия в конце XIX — начале XX в. по-прежнему присутствует в современных, процветающих и быстро развивающихся

³ Эпоха Мэйдзи — время правления 112-го императора Японии Муцухито (1868–1912), взявшего имя Мэйдзи («просвещенное правление»). Этот период в истории Японии ознаменовался широкомасштабными политическими, экономическими и социальными реформами, превратившими ее в мировую индустриальную державу. — *Примеч. ред.*

странах. Эта гордость носит наиболее всеобщий характер в Китае; см.: [Jacques 2009: chs. 7–8], центре цивилизации, в то время как в Японии, Корее и Вьетнаме она становится частью национальных культурных традиций. Основной исторической слабостью этой цивилизации стала ее замкнутость, которая в конечном итоге привела к самоизоляции от остального мира, вызвав, в свою очередь, стагнацию науки, техники и экономики. К середине XIX в. это стало для нее почти губительным. В качестве же наиболее важных преимуществ, вероятно, следует назвать традицию крупномасштабной коллективной организации труда, гражданскую дисциплину, высокую значимость образования и обучения, а также ее светскую ориентацию, оставившую крайне ограниченное поле для религиозного консерватизма и межрелигиозной борьбы.

Индийская цивилизация

Слова «Индия», «индийский» (Indic), а также «индуист» (Hindu) происходят от названия реки Инд, протекающей в современном Пакистане; однако, насколько это известно, ни одно из них не связано напрямую с цивилизацией долины Инда, которая исчезла около 4000 лет назад⁴. Индийская цивилизация зарождается 500–1000 лет спустя, развиваемая народами, пришедшими с северо-запада Ирана и Центральной Азии («арийцами», от которых происходит нынешнее название Ирана) через перевалы современного Афганистана и страны пяти рек — Пенджаба. С северо-запада она распространилась веером на восток по долине Ганга, ставшей священной рекой индуизма, на которой располагается, пожалуй, главный религиозный центр этой полицентричной веры — Варанаси (или Бенарес). Значительно позднее она достигает южной Индии.

Индийская цивилизация имеет к Индии то же отношение, что и синская цивилизация к Китаю: она расширяется за границы привычной Индии на юг и восток, включая современную Шри-Ланку, Бали и Яву, Мьянму/Бирму, Таиланд, Лаос, Камбоджу и южный Вьетнам. Она также распространилась на север:

⁴ Имеется в виду так называемая «индская», или «харапская», цивилизация, одна из трех (наряду с шумерской и египетской) древнейших цивилизаций человечества. — *Примеч. ред.*

Гималаи, Непал и Тибет, ламаизм которого является ответвлением индийского буддизма. Европейское выражение «Индоки-тай» отражает место встречи синской и индийской цивилизаций. Это — юго-западная оконечность китайских иероглифов, архитектуры и палочек для еды, но также и материковая восточная оконечность санскритской письменности, индийских скульптурных храмов (распространившихся в Камбоджи с ее гигантским индуистским храмовым комплексом Ангкор-Ват, в Лаосе и южном Вьетнаме эпохи Чампа в первой половине второго христианского тысячелетия) и традиций чтения Махабхараты и Рамаяны, все еще являющихся частью королевских обрядов Таиланда [Coedès 1966, 1968].

Когнитивные психологи обнаружили некоторые сходства в механизме каузальной атрибуции между культурами Восточной и Южной Азии, придающим, в отличие от евро-американских культур, большее значение ситуации, чем намерению актора [Nisbett 2003: 114ff]. Можно отметить и другие сходства, например холисткое мировоззрение, в котором индивиды встроены в более широкий контекст [Singh 2002: 32ff]. Разными способами эти цивилизации оказались способными допустить религиозный плюрализм и управлять им, хотя в обоих случаях принцип религиозной терпимости время от времени нарушался фанатичными правителями. Светская традиция конфуцианской моральной и политической философий оставила открытым пространство для различных личных верований и практик: даосистских, буддийских, синтоистских, христианских. Бесконечно политеистический индуизм, со своей стороны, может легко сосуществовать с джайнистскими, буддийскими, иудейскими, христианскими, мусульманскими и сикхскими богами и верованиями.

Но в некоторых отношениях индийская и синская цивилизации диаметрально противоположны, несмотря на их географическую близость и основанный на буддизме культурный обмен, начавшийся 1500–2000 лет назад.

Если синская цивилизация — преимущественно земная и светская, то индийская цивилизация погружена в религию. Религиозность индийцев была широко известна уже в эллинистическом мире и (правда, это недостоверно) в классической Греции. Епископ начала IV в. н.э. рассказал вот такой анекдот. Индеец попросил Сократа определить его философию и получил такой ответ: «Это изучение человеческой реальности». По-

сле чего индийский гость взорвался презрительным смехом: «Как может человек исследовать человеческую реальность, игнорируя божественную реальность!» [Braudel 1963–1987: 66].

Вероятно, наиболее отличительной чертой индийской цивилизации, общей для индуизма и буддизма, является понятие о переселении или возрождении душ, а также идея, что жизнь души после ее реинкарнации определяется деяниями, совершенными в предыдущей жизни. Это задало прочную и глубоко религиозную основу иерархического общественного разделения на *варны*, первоначально не сильно отличавшегося от аналогичных концепций Восточной Азии и Европы. В индийской версии существовала четыре основных ранга: священническая каста браминов (также называемых брахманами), правители-воины — кшатрии, земледельцы, ремесленники и торговцы — вайши, а также слуги и наемные работники — шудры. Под нижней кастой позднее возник слой «неприкасаемых», в обязанности которых входила наиболее грязная работа: например, уборка отхожих мест или свежевание убитых животных. Постепенно стали различаться множество наследуемых профессиональных *джати*, или каст. Все члены каст должны были вступать в брак внутри своей касты, и социальное взаимодействие между кастами регулировалось религиозно обоснованными принципами чистоты и осквернения. Брахман не мог принимать пищу или воду из рук представителя низших каст; неприкасаемые должны были держаться в стороне от всех остальных членов общества, никогда не позволяя своей тени упасть на них, и т.д.

Большинство жестких иерархических кастовых границ и «оскверняющих» табу сегодня размываются. Независимая Индия дала членам низших, «неприкасаемых», каст привилегированный доступ к работе по найму. Демократическая политическая система выдвинула ряд видных политиков *далитов*, бывших неприкасаемых, начиная с выдающегося Б.Р. Амbedкара⁵, отца индийской Конституции, и кончая популярным премьер-министром штата Уттар-Прадеш Маявати, которая хотя и была избрана демократическим путем — трижды на сегодняшний день — мало чем отличается от плебейского Карибского

⁵ Бхимрао Раджи Амbedкар (1891–1956) — индийский политический деятель, лидер «неприкасаемых», юрист. Основной автор индийской Конституции. Радикальный критик кастовой системы. — *Примеч. ред.*

каудильо⁶ XIX в. Бывшие неприкасаемые теперь могут войти в большинство, если не во все, магазины в своем селении и пользоваться деревенскими колодцами. Хотя брачные объявления, размещенные в газетах Дели, по-прежнему были сгруппированы по кастам, когда я изучал их несколько лет назад, в конце всегда был также небольшой раздел «каста не имеет значения». Тем не менее кастовая иерархия, распространившаяся и на южно-азиатских мусульман, по-прежнему является важным наследием индийской цивилизации. В то время как границы этой иерархии размываются под влиянием политики чисел, кастовая самоидентификация и кастовые объединения представляют собой очевидные цели политической мобилизации. И, чтобы всем было очевидно, каста человека отражается в его имени (Литература о кастовой системе Индии обширна. Из последних важных работ, которые я использовал, можно отметить следующие: [Yadav 2006; Rao 2009; Thorat, Newman 2010]).

Махатма Ганди был выдающимся представителем своей культуры и выдающимся политическим лидером своего народа. Он не был статистически репрезентативным лидером, но являлся основным современным воплощением индийской цивилизации, о чем свидетельствуют его дерзкие попытки заставить представителей высших каст мыть туалетные комнаты Индийского национального конгресса. С политикой, нагруженной символизмом, отказом от стратегии промышленного развития и суровым телесным аскетизмом, его появление было бы невысказано (или же расценено как чудачество) в любой другой части мира.

Индия по-прежнему является сценой удивительных религиозных представлений: обнаженные блуждающие *садху*, или святые люди, *девадаси* — проститутки, еще в детстве отданные бедными родителями для служения в храмовых церемониях, тантрические «пробудители» духов из черепов и многие другие «артисты», имеющие мало общего с более знакомым нам современным миром бизнеса, кино и медицины [Dalrymple 2009]. Индия действительно воплощает в себе всё, в том числе и все противоположности мира. Атеизм также занимает значитель-

⁶ От исп. *caudillo* — предводитель. В странах Латинской Америки и Испании политический лидер, иногда глава государства, осуществляющий личную диктатуру. — *Примеч. ред.*

ное место в чрезвычайно пышном букете индийских верований. Самая крупная региональная политическая партия южного штата Тамилнад ДМК⁷ была еще более воинственно атеистической, чем французский государственный лаицизм⁸ или турецкий кемализм⁹. Она не только запретила в 1967 г. изображения богов и богинь в школах и государственных учреждениях штата, но и организовала конференции по «искоренению суеверий» [Smith 2003: 147]. Культура, почитающая своих многочисленных аскетов, также создала самое известное в мире эротическое руководство — Камасутру — и построила наиболее откровенный сексуальный храм в мире — Кхаджурахо. Но религиозные обряды, совершаемые в домашних условиях, а также в храмах или в священной реке Ганг, остаются важной частью индийской жизни. Субконтинент и его островное дополнение Шри-Ланка при всем их разнообразии — это также места межобщинного религиозного насилия, движимого не только боевиками Хиндутвы¹⁰, но также буддийскими фанатиками в Шри-Ланке и внутриисламским конфликтом в Пакистане.

Мандарины Восточной Азии вынуждены были бороться за свой статус хранителей знаний в первой меритократической системе в мире, в то время как брахманы унаследовали свои знания, которые были недоступны для не-брахманов. Индия и Южная Азия до сих пор имеют высокий уровень неграмотности наряду с очень развитой системой высшего образования, «штампующей» IT-инженеров и интеллектуалов.

Синская цивилизация имела единственный политический фокус: император и его империя. Индия никогда не имела имперского центра. То, что сейчас является Индийским Союзом,

⁷ Дравида Муннетра Кажagam — Федерация дравидского прогресса. — *Примеч. пер.*

⁸ Лаицизм (от *фр.* *laïcité* — букв. нерелигиозность, светскость) — французское политическое движение за секуляризацию общественной жизни. — *Примеч. ред.*

⁹ Кемализм — идеологическая доктрина турецкого национализма эпохи модернизации, выдвинутая Мустафой Кемалем Ататюрком (1881–1938) В основу кемализма положены шесть принципов («шесть стрел»): революционность, республиканизм, народность, национализм, лаицизм, этатизм. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Хиндутва — массовое движение в Индии, отстаивающее принципы индуистского национализма. Объединяет целый ряд индийских националистических организаций. — *Примеч. ред.*

до 1947 г. никогда не обладало политическим единством, а крупнейшие политические образования индийского субконтинента возглавлялись неиндуистскими правителями. Ашока (III в. до н.э.) был буддистом, Великие Моголы XVII в. н.э. — мусульманами тюрко-монгольского происхождения («могол» — это персидское слово, означающее «монгол»), а их британские преемники XIX–XX вв. — христианами. Великие Моголы, правившие на субконтиненте в XVII в., имели первостепенное значение, но они никогда не являлись объединяющим континент фактором, и их положение не было неоспоримым. Британское господство объединило области прямого колониального правления, сосредоточенные в Калькутте, Дели, Бомбее и Мадрасе, большую часть современных Пакистана, Бангладеш и Бирмы, а также так называемые защищенные княжества, из которых наибольшую важность представляли Хайдарабад, Майсур и Раджпутан. Индийская цивилизация была объединена на базе политеистического набора религиозных представлений о жизни, существовании до рождения и после смерти, обязательствами *дхармы*¹¹, деяниями и ритуалами *камы*¹². Ключевую роль здесь сыграли брахманы (обладавшие ритуальным превосходством над правителями) с их храмами и знанием священных законов и обрядов, передаваемых на языке элиты субконтинента — санскрите.

Сегодня большинство из устойчивых особенностей цивилизации Индии берет начало в брахманском индуизме. Мощное политическое течение, возникшее на уровне национального правительства несколько лет назад, подчеркивает свой индуистский характер. Но замечать индийскую цивилизацию индуизмом исторически неверно. Индийская цивилизация не просто политеистична. Это полирелигиозная цивилизация, где индуизм — единственная из всех религий, которая смогла справиться с их сложным переплетением. Буддизм, как джайнизм и сикхизм, вырос из индуизма. Еврейские, христианские и парские¹³ меньшинства присутствуют в Индии более тысячи

¹¹ Дхарма — индийский философский и религиозный термин, обозначающий священный закон. — *Примеч. пер.*

¹² Кама — санскритский термин, обозначающий чувственное удовлетворение, сексуальные наслаждения, вождление, страсть. — *Примеч. пер.*

¹³ Парсы — последователи зороастризма в Пакистане и Индии. В результате изгнания арабами из Персии в VIII в. зороастрийцы осели в основном в Индии. — *Примеч. ред.*

лет. Мусульманское правление в Индии начинается с Махмуда Ганзеви¹⁴ в первые десятилетия XI в., укрепляется в конце XII в. учреждением султаната в Дели, а в XVI в. при Великих Моголах становится всеобъемлющим. Было подсчитано, что четвертая часть субконтинентального населения приняла ислам, это в основном представители низших каст. В то же время мусульманская элита имела внешнее происхождение, как правило, из Афганистана, Персии и Средней Азии [Sing 2002: 66ff]. Кастовая система проникла в индийский ислам, а индуизм заинтересовался суфизмом, в то время как обращенные мусульмане стремились сохранить свои доисламские кулинарные привычки и праздничные традиции. Но особое значение в данном контексте имеет не реальность исторического мультикультурализма, а неизменно важная роль экуменической религиозности. Так было и 2300 лет назад в период правления буддийского императора Ашоки, образ которого символически запечатлен на индийском флаге, и 400 лет назад в эпоху «добропорядочного мусульманина», основателя империи Великих Моголов Акбара, и в XX в. в моральных и интеллектуальных моделях Тагора и Ганди. Это традиция, к которой династия независимой Индии Неру¹⁵ — Ганди всегда относилась с неизменным уважением (ср.: [Sen 2005: ch. 13]).

Санскрит — это классический культурный и религиозный язык индийской цивилизации, также как греческий и латынь в Европе, и почти также как и латынь это уже не живой язык (с несколькими местными исключениями) [Goody 2010: 161n]. Сегодня он преподается в университетах Индии и поддерживается, наряду с другими характерными особенностями индийской цивилизации в ее индуистской трактовке, федеральным правительством БДП¹⁶ начала нового тысячелетия. В то время

¹⁴ Махмуд Ганзеви (971–1030) — эмир среднеазиатского государства Газневидов (территория современного Афганистана), достигшего наибольшего расцвета в X–XI вв. Совершил 17 походов в северную Индию. — *Примеч. ред.*

¹⁵ Джавахарлал Неру (1889–1964) — лидер левого крыла индийского национально-освободительного движения, председатель Индийского национального конгресса и первый премьер-министр независимой Индии. — *Примеч. пер.*

¹⁶ «Бхаратия джаната парти» (БДП) — Индийская народная партия. — *Примеч. пер.*

как этот язык сохраняется главным образом в качестве священного языка касты брахманов, «санскритизация» стала концепцией современной индийской социологии, обозначая своего рода коллективную кастовую восходящую мобильность путем подражания манерам и обрядам высших каст [Srinivas 2002: chs. 12, 13].

Классическое литературное наследие индийской цивилизации сформировалось 2500–3000 лет назад; конкретная дата никому не известна и до сих пор является предметом горячих споров как среди историков, так и идеологов. В отличие от синской и европейской цивилизаций, индийская оставила мало историографических текстов. Ее классическое наследие — это огромный корпус, включающий гимны и литургические тексты Вед, философские трактаты Упанишад, Кодекс Ману с его детально разработанными семейными нормами, экономическими и эротическими наставлениями, популярные эпосы Рамаяна и Махабхарата (последняя считается «индийской версией одновременно Илиады, Одиссеи и Библии», будучи в 15 раз длиннее Библии [Dalrymple 2009: 90]), мифологические и генеалогические писания Пуран. Преподавание классической литературы в современной школе носит случайный характер, однако эпосы по-прежнему обладают широким культурным значением: в начале 1990-х годов их показ по телевидению собрал практически полную аудиторию.

Индийская классическая архитектура, преимущественно храмовая, расцвела в период династии Гупта в IV–VI вв. н.э. и достигла своего пика в XI–XII вв. [Harle 1986–1994: Part II; Speir 1973: 458f; Keay 2000: 212ff]. Тадж-Махал и другие впечатляющие погребальные сооружения были созданы во время правления Моголов полтысячелетия спустя, способствуя впечатляющему расцвету персидских и центрально-азиатских моделей.

Цивилизация Западной Азии

Мусульманская цивилизация Западной Азии обладает более четкими границами, чем *Дар аль-ислам* (Дом ислама) в целом со своими многочисленными сторонниками из других цивилизаций, соотношение во многом сходное с отношением европейской цивилизации и христианского мира. Цивилизация Западной Азии соответствует синской и индской; при этом, по-

видимому, она не является простым производным «арабского элемента». Ее центр и исток — Аравийский полуостров со священными городами ислама — Меккой и Мединой. Но впоследствии она оформилась в гораздо более обширную культурную область с узловыми точками в Дамаске и — позже — в Стамбуле на Севере и крупнейшими культурными центрами на Западе: в Кордове, на территории современной Испании, в марокканском Фесе и Тунисе (сегодня уже не существующие или давно пришедшие в упадок), а также в Каире. На востоке она процветала в Багдаде, в персидских Исфахане и Ширазе, Бухаре и позже в Самарканде (современный Узбекистан). Сегодня эти места — скорее, печальные тени прошлого, ожидающие туристов.

Пустыни и оазисы, городские торговцы и бедуины-кочевники, соединяющие их караваны составили экологическую основу этой цивилизации, подобно обширным заливным полям риса в синской цивилизации. Согласно источникам, в течение долгого времени история Центральной и Западной Азии характеризовалась противоречием между кочевым образом жизни в пустыне и оседлой городской культурой. И неудивительно, что именно оно находится в центре внимания величайшего социального исследователя региона Ибн Хальдуна, утверждавшего, что «пустыня — это основание и источник цивилизации и городов» [Ibn Khaldun 1377/1967: 93]. Пустыни, узкие речные пути через некоторые из них (Нил, Евфрат и Тигр, Амударья и Сырдарья), засушливые горные пространства, оазисы, города с их с их своеобразными культурными формами — все это, создавая основу цивилизации, присутствует и по сей день от Марокко (*Makhzen* — Запад для его уроженцев) через Среднюю Азию и Аравийский полуостров (в самом центре) до Ирана. Ключевым моментом социологии этой цивилизации являлось сочетание гедонистического городского коммерческого общества и сурового кочевого образа жизни, караванных торговцев и конных воинов. Они все еще определяют жизнь значительной части этого культурного ареала.

Несмотря на пространственное несовпадение с Домом ислама, эта цивилизация стала религиозной. Исторически она занимала область двух величественных речных цивилизаций: одна из них, уже не существующая, располагалась вдоль рек Евфрат и Тигр, протекающих по территории современного Ирака; другая, соединенная длинной линией преемственности с династиями

фараонов, протянулась вдоль берегов Нила. Эта область также включала великого врага классической Греции — Персию. Но ислам порвал с ними, чего христианство никогда не сделало в отношении Древней Греции и Древнего Рима. Предисламские цивилизации не образуют «классику» Западной Азии, становясь источником музейных экспонатов, чья возрастающая ценность обусловлена их способностью привлечь деньги туристов.

Это связано не с более герметичным, чем в случае христианства, теологическим закрытием, а с исторической случайностью. В Западной Азии не было своей Римской империи, способной служить мостом между язычеством и единобожием. Аравийский полуостров времен пророка Мохаммеда был племенным обществом. Но существовала Персия, чьи великие политические традиции проникли в великолепные политические образования ислама — Дамаск и Багдад. Еще более важным является тот факт, что после покорения Персии арабскими воинами, возникла новая особая персидская культура, и персидский язык стал главным литературным языком исламского мира вне Аравии, а также судебным языком от Индии эпохи Моголов до Османской Турции ([Lewis 1964/1994: 13]; см. также замечательный обзор, посвященный трем поздним великим мусульманским империям, сделанный Стивеном Дэйлом: [Dale 2010]). Эта высокая культура Персии включала великую средневековую поэзию Хафиза¹⁷, Руми¹⁸, Саида¹⁹ и других, в которой щедро течет вино, а объекты эротического желания возбуждающе неопределенны: женщина? мужчина? Бог? Эти поэты, почти современники Чосера (1340/1345–1400), доступны для многих современных читателей и высоко ими оцениваются. Они глубоко почитаются в современном Иране, по крайней мере, так было во время моего пребывания там в начале 1990-х годов.

Этой цивилизации, гордо считающей себя исламской, конечно же приличествует территория, включающая в себя большинство священных мест шиитского ислама — Кербелу и Наджаф в Ираке, Кум в Иране, а также самые священные для всех мусуль-

¹⁷ Хафиз Ширази (1325–1389/1390) — персидский поэт и мастер суфизма. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Джалаладин Руми (1207–1273) — персидский поэт-суфий. — *Примеч. ред.*

¹⁹ Абу Саид Фазл Аллах (967–1049) — один из первых персидских суфийских поэтов, автор четверостиший (рубаи). — *Примеч. ред.*

ман города — Мекку и Медину в Саудовской Аравии. Основы ее мировоззрения и базовые ценности берут начало в исламской религии спасения. Коран — это священный, основополагающий классический текст, знание которого является обязательным требованием мусульманского образования. Ученики и сегодня гордятся знанием наизусть его полного текста.

Но Коран также является основой классического канона искусства этой цивилизации. Каллиграфия — это исламское, так же как и синское, искусство; однако в первом случае оно было представлено, главным образом, в цитатах из Корана, украшавших мечети и другие общественные здания, или в рукописных Коранах. Это искусство, в распространение которого вплоть до XIX–XX вв. не участвовал печатный пресс. Декламации Корана и сегодня представляют собой очень популярные культурные мероприятия, сравнимые с европейскими песенными фестивалями.

Арабский язык как язык Корана является классическим. Персидский и тюркский языки смогли выжить в качестве главных межгосударственных языков: персидский — в качестве языка суда и светской литературы, а тюркский — в качестве языка когда-то грозных Османской и Могольской армий. Но оба языка использовали арабский алфавит, а персидский использует его до сих пор. Однако сегодня персидский язык практически полностью забыт интеллектуальной элитой Южной Азии (о чем с печалью поведал мне мой выдающийся американо-иранский коллега Саид Арджомэнд), маргинализированный имперским английским языком второй трети XIX в. (правда, в Афганистане на нем все еще говорят). Старинный тюркский язык стал медленно возрождаться в Центральной Азии после 1991 г., но в Западной Азии турецкий язык, с 1920-х годов использующий латинский алфавит, стал языком только турецкого населения.

Настоящему мусульманину надлежит знать Коран на арабском языке, а не в переводе, что совершенно допустимо для христианина, изучающего Библию. В наши дни существуют разрешенные переводы Корана, но они предназначены, главным образом, для заинтересованных иностранцев. Как и греческий, арабский язык (в отличие от санскрита и латыни) — это живой язык, распространенный от Ирака до Марокко, от Сирии до Судана. Но, так же как и древнегреческий язык Платона, классический арабский язык Корана больше не является разговорным.

Он представляет собой высокий формальный стандарт языка, который следует изучить и использовать в торжественных религиозных и официальных обстоятельствах. Среди образованной части населения классический язык может также использоваться в качестве средства общения между, скажем, иракцами и марокканцами, которые иначе не поняли бы друг друга.

Изучение арабского языка и его грамматики является центральным элементом классического исламского образования. Наряду с Кораном и *хадисом* (хроники Пророка, его деяний и высказываний), существует также религиозная по происхождению и значимости классическая юриспруденция, с VIII–IX вв. разделенная на пять основных школ: четыре суннитские и одну шиитскую. Хотя они и испытывают давление со стороны современного государственного законодательства (которое наиболее сильно ощущается в таких секуляризуемых государствах, как Тунис), эти более чем тысячелетние юридические школы все еще влиятельны при решении вопросов, касающихся семьи и брака (о чем я узнал, изучая мировые семейные структуры XX в.).

В исламе нет такой бюрократической иерархии, как в христианстве, но он и не столь аморфен как индуизм. Существует единственный центр паломничества — Мекка. Де-факто есть также универсальный центр исламской (суннитской) учености — университет аль-Азхар в Каире, привлекающий изучающих теологию не только со всей Западной Азии и Северной Африки, но и, например, из Малайзии и Индонезии. Его шейх, или глава, обладает значительной властью. В исламских странах также существуют *муфтии* — главные религиозные судьи, хотя в настоящее время они не пользуются ни большим влиянием, ни уважением, поскольку часто воспринимаются как не более чем выразители интересов правительств Египта и Саудовской Аравии. Иранский шиизм организован более строго (даже несмотря на теократическую организацию Исламской Республики Иран) с иерархией мандаринов, возглавляемой Великими Аятоллами, и собственным международным научным центром в Куме.

Исламская архитектура Западной Азии обрела свою классическую форму в IX в. н.э. в Ираке в период халифата Аббасидов. Однако позже, в XV–XVI вв., она отклоняется в сторону альтернативных моделей в сооружениях османов в Турции и сефевидов в Иране, откуда правители династии Тимуридов в

Бухаре и Самарканде и ранние Моголы отбирали своих лучших архитекторов и строителей. Мечети — эстетически доминирующие и наиболее претенциозные здания, часто включающие школьные комплексы — *медресе*. Как правило, они более богато украшены орнаментом и более искусно построены, чем цитадели политической власти. Моголы пошли в другом направлении, превращая императорские гробницы в наиболее впечатляющие монументы. Это не совсем исламский обычай, где не было принято чтить великих правителей. Гробница Хумаюна²⁰, расположенная в Дели, хранит память о слабом поверженном императоре, а Тадж-Махал был построен в память о любимой жене [Hattstein, Delius 2005; Dale 2010: 147ff]²¹. Интересно, что классический арабский стиль является главным, если не единственным, образцом монументальной архитектуры в новой малайзийской столице XXI в. — Путраджаи.

Европейская цивилизация

Европа — это мыс Азии, расположенный за пределами широкой дуги речных цивилизаций, простиравшейся от Нила до Желтой реки. Европейская цивилизация зародилась как минимум 3000–4000 лет назад. Она окружена морями, где — сначала в Эгейском море, а позже и в Средиземноморье, — появились «талассократические», правящие морем державы, имевшие важное и продолжительное значение, взаимосвязанные между собой, объединенные Афинами и Римом (хотя римское господство над всей территорией Средиземноморья было основано прежде всего на силе сухопутной армии). Главные судоходные реки — Рейн, Дунай, Эльба, Волга и многие другие — связывали море с внутренними районами. Военно-морская мощь, усиленная впоследствии корабельной артиллерией, стала основой европейской экспансии: португальцы Генриха Мореплавателя²²,

²⁰ Насир-уд-дин Мухаммад Хумаюн (1508–1556) — второй падишах империи Великих Моголов. — *Примеч. ред.*

²¹ Тадж-Махал — мавзолей-мечеть, построенный (1632–1653) по приказу правителя империи Великих Моголов Шах-Джахана в память о любимой жене Мунтаз-Махал, умершей при родах. — *Примеч. ред.*

²² Генрих (Энрике) Мореплаватель (1394–1460) — сын португальского короля Жуана I, организатор португальских морских экспедиций вдоль западноафриканского побережья. — *Примеч. ред.*

испанцы, возглавляемые генуэзцем Христофором Колумбом, Ян Питерсоон Кун²³ и Голландская Ост-Индийская компания, Джеймс Кук и экспедиции британского Королевского флота. Европейские морские завоеватели и исследователи сменили конных воинов-кочевников Евразии: арабов, монголов и турок.

Самой характерной и определяющей особенностью европейской цивилизации является ее двойной фундамент: античный языческий политеизм и христианская монотеистическая религия, являвшаяся универсалистской трансформацией западноазиатского иудаизма. В то время как западноазиатский ислам фактически отверг своих культурных предшественников, как принадлежащих к эре невежества, христианство выстраивалось на своем языческом основании первоначально, возможно, вследствие необходимости: из-за неспособности собрать свою собственную армию.

Таким образом, формация европейской цивилизации дуальна. С одной стороны, вы должны знать значение Креста, историю Иисуса и Марии, понимать роль Рождества и Пасхи в христианском календаре. Вам следует знать, что такое Библия, и быть хотя бы частично знакомым с ее содержанием. Предполагается, что вы способны отличить православие от католицизма и протестантизма, а внутри последнего можете различить такие направления, как англиканство, кальвинизм и лютеранство.

С другой стороны, вам также полагается знать, кем был Зевс (или Юпитер), но только как образованному человеку, и ни в коем случае как верующему. Принадлежность к европейской культуре также предполагает некоторое знание об Одиссее и Илиаде, о Сократе, Платоне и Аристотеле, о Юлии Цезаре, Августе и Адриане. Если вы претендуете на высшее образование, то ожидается, что вы читали хотя бы что-то из Гомера, Платона, Вергилия, Горация и Овидия (по крайней мере, в переводе) и обладаете какими-то знаниями о греческой трагедии и римском праве.

Классическая европейская архитектура представлена прежде всего древними греко-римскими храмами с их колоннадами и прямыми треугольными фронтонами крыш, иногда с римским

²³ Ян Питерсоон Кун (1587–1627) — четвертый и шестой губернатор голландской Ост-Индии, значительно расширивший голландские колониальные владения в Индонезийском архипелаге. — *Примеч. ред.*

куполом, возрожденным в новое время в республиканском неоклассицизме в США и императорском в России. Историческая европейская традиция также включает христианский готический собор (хотя его никогда не относили к неоклассицизму), устремленное в небо объединение верующих (в отличие от мест захоронения фараонов или таких мест жертвоприношений, как пирамиды майя или ацтеков). Знаковым строением Европы часто присущ неоготический стиль, например, зданиям Британского парламента и венской Ратуши. Неоготика стала любимым архитектурным стилем американских колледжей XIX в.

Христианская Европа никогда не отказывалась от дохристианской эры как периода темноты и невежества, и на это были серьезные основания. После периода преследования христианство стало официальной религией Римской империи, провозглашенной с императорского трона. В отличие от ислама христианству не пришлось одерживать военную победу над действующими властями извне. Заключительная победа христианства была результатом войны между двумя претендентами на титул римского императора. Церковь рассматривала себя, как и являлась де-факто, главным культурным звеном между античным периодом и феодальным Средневековьем (см.: [Anderson 1974]). Католическая церковь признала Аристотеля главным авторитетом светского знания; европейская же система юриспруденции включала как каноническое, так и светское право, оба основанные на римском праве (см.: [Berman 1980]). Действительно, она могла законно рассматривать себя в качестве наследника Римской империи с того момента, как в 330 г. Константин признал христианство имперской религией. Никакого нового священного языка утверждено не было: латынь являлась языком римской церкви, а греческий — византийской. Только после падения Византии церковно-славянский стал языком православия.

Древняя Греция и Древний Рим были приняты в качестве родителей христианской Европы и навсегда определили стандарты европейского классицизма. В современном Оксбридже²⁴ под чтением «классики» подразумевается чтение на латыни и греческом, включая историю и литературу греко-латинской ан-

²⁴ Оксбридж (англ. Oxbridge) — слово, составленное из названий двух самых престижных университетов Великобритании — Оксфорда и Кэмбриджа. — *Примеч. ред.*

тичности. Классицизм в европейской архитектуре предполагает следование архитектуре Греции или Рима (или хотя бы использование ее в качестве источника вдохновения). Классическая литература в Европе включает традицию от Гомера до Овидия.

В отличие от иудаизма, конфуцианства и индуизма, но как ислам и буддизм, христианство — это религия спасения и универсального призвания. Встроенная в европейскую, а позднее и североамериканскую имперскую власть, она использовалась как мощное орудие завоеваний и как действенное средство экспансии. Впоследствии этот принцип универсалистского призвания под понятиями «устойчивая свобода» и «права человека» поддерживал евро-американские секулярные крестовые походы.

То, что христианские крестовые походы и исламский джихад должны столкнуться в современном мире, едва ли было предопределено. Но как только религиозные джиинны выпущены из бутылки модерна, можно ожидать, что они столкнутся, и отголоски их конфликта, усиленные геополитическими делениями, будут слышны по всей американской империи и зависимым от нее территориям.

Взаимоотношения светского классицизма — античные боги вскоре стали преимущественно литературными героями — и религиозной традиции христианства временами носили конфликтный характер, но в целом обеспечили наличие плодотворной, открытой напряженности в европейской культуре. Эти взаимоотношения почти мирные в случае Ренессанса и гуманизма Эразма Роттердамского, но более сложные в эпоху Просвещения — эпоху Вольтера, Гиббона и Винкельмана. Однако еще более важным является тот факт, что двойственная традиция христианской религии и римского права способствовала возникновению юридической доктрины разделения духовной и мирской власти, выраженном в высших и независимых фигурах Папы Римского и императора [Verma 1980].

Занимая осторожную позицию в отношении бурной дискуссии о «системе ценностей европейской цивилизации», все-таки необходимо подчеркнуть ряд моментов. Европа обладает особой политической культурой, включающей принципы выборности на государственные посты и народного представительства как собственного основания для налогообложения и гражданства. Наряду с указанными существовали и другие принципы, которые в определенные исторические периоды преобладали по важности над первыми, но никогда их полностью не отме-

няли. Еще в средневековой Европе претенденты на два самых высоких государственных поста — Папы Римского и императора — избирались в ходе формальных и регулярных выборов. В конце концов, «демократия» — это античное европейское слово. Во время тяжелого финансового кризиса французская абсолютистская монархия вынуждена была созвать в 1789 г. сословно-представительское собрание — Генеральные Штаты. Тем не менее для большинства людей наиболее важным стало понятие гражданина как человека, обладающего правами. Этот принцип восходит к положению свободного мужчины в греческом полисе. Впоследствии он был кодифицирован в римском праве и распространен на всю империю. Такая юридическая концепция индивидуальных прав не была развита в других цивилизациях.

Европейская цивилизация захватила также и Америку. США сохранили как дохристианскую классическую архитектуру (истолкованную Джефферсоном и другими как республиканскую, а не имперскую), так и христианскую веру, прежде всего в форме протестантизма. Латинская Америка также сохранила свою веру — католическую в данном случае — и барочный архитектурный стиль.

Черная Африка (Африка к югу от Сахары)

Кажется, мы все родом из Африки. Господствующее в палеоантропологии мнение утверждает существование общего африканского предка всех человеческих видов, от которого мы все произошли и распространились по земле. (Внушающий доверие краткий обзор для неспециалистов см.: [Chanda 2007: ch. 1].) Но происхождение не обязательно означает непрерывность или даже значимую связь. Выступая против всевозможных сторонников превосходства белой расы или «западной цивилизации», многие из нас сегодня будут, без сомнения, рады с гордостью заявить, что мы все — африканцы. Но это позиция уважения к человеку. Мы же здесь должны иметь дело, прежде всего, с дифференциацией человечества.

Цивилизация Черной Африки отличается от всех других по самой своей природе, а не только своими характерными особенностями. Это — устная цивилизация без канонических текстов, семейство культур без исторического ядра, без единой религии или классического языка. Как же тогда она может быть одной из крупнейших цивилизаций и вообще цивилизацией? Здесь

непрофессиональному историку нужно быть очень осторожным — то, что Мудимбэ [Mudimbe 1988] назвал «изобретением Африки», было извилистым, сложным и конфликтным проектом, проектом колониальным и националистическим. Но даже если мы захотим сократить число цивилизаций, имеющих актуальное значение, можно найти достаточно аргументов в пользу рассмотрения цивилизации Черной Африки в качестве таковой. В Африканский Союз²⁵ входят также государства Северной Африки, но это вопрос современной геополитики. Тем не менее крайне уважаемый, но малоизвестный сенегальский ученый Шейх Анта Диоп утверждал, что «египетская древность относится к африканской культуре также, как греко-римская античность к европейской» (подробнее см.: [Diop 1967/1993]). Не занимая определенной позиции в споре о том, была ли древняя египетская цивилизация «черной» (*nègre*) или нет, для целей данной книги представляется достаточным отсутствие непрерывных связей между архитектурой, мировоззрением и письменностью Египта фараонов, с одной стороны, и территорией к югу от Нила и великой пустыни, с другой (хотя и были найдены объекты торговли между ними) [Braudel 1987: 194]. В той степени, в какой существует общая африканская цивилизация, эта цивилизация располагается к югу от Сахары.

Экологические факторы цивилизации всегда были сложными. Они четко определены двумя великими пустынями — Сахарой на севере и Калахари на юге и двумя океанами — Атлантическим на западе и Индийском на востоке. В древности ни одна из границ не была непроходимой, однако вместе они оставили Африку в стороне от основных евразийских торговых путей. Сложная география самого континента имела еще большее значение. Его пространственный центр с густыми тропическими лесами, населенными насекомыми и паразитами, без единого луча естественного света никогда не мог стать социальным центром. Ни по одной из великих рек, прерываемых порогами и водопадами (наиболее печально известными из которых являются находящиеся на реке Конго), нельзя было доплыть от моря в глубь материка. Великие культурные и политические места

²⁵ Африканский Союз — международная межправительственная организация, включающая 54 государства. Основан в 2002 г. в качестве правопреемника Организации африканского единства. — *Примеч. ред.*

Африки — от Тимбукту²⁶ и Джене²⁷ до Большого Зимбабве²⁸ — располагались на границах саванны или ближе к западному побережью, как Ифе²⁹ или Бенин.

Однако, несмотря на разнообразие, этой цивилизации присуща прежде всего лингвистическая общность, простирающаяся от Гамбии и Сенегала на северо-западном побережье до мыса Доброй Надежды на юго-восточном — это общность нигеро-конголезская языковой семьи. При этом считается, что ядро этой семьи — языковая группа банту — распространилась с территории, прилегающей к нынешней границе между Нигерией и Камеруном. В это лингвистическое единство не входит обширная группа языков «подковообразного» региона к северу, западу и востоку от Сахары, населенного носителями афразийских языков — арабского, берберского, амхарского³⁰ и сомалийского и в далеком прошлом египетского языка эпохи фараонов. Кроме того, в нигеро-конголезскую семью не входит ряд нилосахарских языковых сообществ, проживающих к югу от пустыни: язык хауса³¹ в северной части Нигерии, масайский³² язык и язык луо³³ в северной Кении, а также немногочисленные сохранившиеся койсанские языки³⁴ в юго-западной Африке.

²⁶ Тимбукту — город на севере центральной части Мали, в 13 км к северу от реки Нигер; столица самопровозглашенного государства Азавад. — *Примеч. пер.*

²⁷ Дженне — один из древнейших городов в Африке южнее Сахары. Расположен в пойме реки Нигер, в Мали. — *Примеч. пер.*

²⁸ Большое (Великое) Зимбабве — название, данное каменным руинам древнего южноафриканского города, расположенного в провинции Масвинго государства Зимбабве. — *Примеч. пер.*

²⁹ Ифе — город на юго-западе Нигерии, один из важнейших очагов древней цивилизации в Западной Африке. — *Примеч. пер.*

³⁰ Государственный язык Эфиопии. — *Примеч. пер.*

³¹ Хауса — крупнейший по числу носителей язык чадской ветви, распространенный в Западной Африке. — *Примеч. пер.*

³² Масайский язык относится к восточным нилотским языкам, распространен в южной Кении и северной Танзании. — *Примеч. пер.*

³³ Языки луо относятся к западным нилотским языкам, наиболее распространены на территории, простирающейся от южного Судана до южной Кении. — *Примеч. пер.*

³⁴ Койсанские языки — условное название автохтонных не-банту языков юга Африки и двух изолированных языков Танзании (сандаве и хадза). — *Примеч. пер.*

КАРТА 2. Языковые семьи Африки

Несмотря на все экологическое разнообразие территорий за пределами пустынь севера и юго-запада — тропические леса, покрытые травяной растительностью саванны, плодородные холмы Великих африканских озер и реки с ограниченной судоходностью, — большая часть Африки к югу Сахары обладала общей очень важной чертой: изобилие земли и крайний недостаток рабочей силы. Более того, сельское хозяйство было мотыжным, а не плужным (за исключением Эфиопии), и землю обрабатывали преимущественно женщины [Boserup 1970].

Такие условия повлияли на создание особого типа семьи, и сегодня характерного для Черной Африки, в котором особое значение придается способности к деторождению. Хотя сегодня на эту традицию оказывают влияние современные формы планирования семьи, уровень рождаемости по мировым стандартам все еще очень высок: четыре ребенка, что является официальной нормой в Нигерии. Связанная с этим практика массовой полигамии уникальное явление в современном мире [Therborn 2004], недавно прославленное президентом Южной Африки Джейкобом Зума, взявшему третью жену в январе 2010 г. Согласно сообщениям в печати, он является отцом уже 20 детей.

Великий антрополог-африканист Джек Гуди в ряде своих работ подчеркивал различие между Африкой и евразийскими «цивилизациями бронзового века», и то, каким образом эта африканская цивилизация — будучи не только менее технологической, но также и менее жестко иерархической и стратифицированной, — проявила себя в разных аспектах, включая ее кухню и отказ от использования цветов [Goody 1993, 1998].

В какой степени можно говорить о существовании общей философии или космологии банту — вопрос, вызывающий жаркие споры (см. краткий обзор и ссылки: [Mudimbe 1988] и [Arriah 1992]), но здесь нет необходимости занимать в нем определенную позицию. Представляется, однако, что имеется ряд широко распространенных верований, обладающих актуальным значением. Существует богатый и разнообразный духовный мир, населенный как злыми, так и добрыми духами, и люди должны проявлять к ним уважение и приносить ритуальные жертвы. Есть духи предков, и есть духи природы. Современная африканская литература превратила их голоса в письмо, наверное, наиболее выразительно в работах Бена Окри, например, в его романе «Голодная дорога» (1991 г.). Но духи и способы «обхождения»

с ними присутствуют и в гораздо более осязаемых формах, например, в частой диагностике болезни в магических терминах, в вере в ведьм, включая девочек-ведьм в Нигерии, в вооруженных восстаниях, оберегаемых амулетами, а иногда, как в Уганде, в формах сопротивления, движимых спиритуалистическими истолкованиями христианства, как в случае ясновидящей Элис Аума «Лаквены»³⁵ (Посланницы) и ее преемника Джозефа Кони³⁶, возглавляющего Господню армию сопротивления.

«Африка», как и «Азия», — европейское изобретение, но это не умаляет эвристической ценности анализа цивилизации Черной Африки. Христианство и ислам стали доминирующими религиями современной Африки, но им пришлось приспособливаться к сохраняющим устойчивость африканским семейным и гендерным структурам. Например, христианству пришлось адаптироваться к полигамии, а исламу — к роли женщин в общественной экономической сфере.

С художественной точки зрения широко распространенное ритуальное использование масок и танца — еще одна особенность континента, достойная упоминания. Нигде больше вы не увидите вождей, политических деятелей и представителей духовенства, публично исполняющих сольные или коллективные танцы.

Наконец, в завершении этого обзора цивилизаций следует напомнить, что он не задумывался как Зал Славы Великих. Это — просто список самых крупных цивилизаций, показывающий, как они вырисовываются в XXI в. По сравнению с ними, например, майя и другие америндские цивилизации, а также цивилизации Юго-Восточной Азии являются менее крупными, но не обязательно менее важными.

Все цивилизации были глубоко обеспокоены семейными и половыми отношениями, и современные формы этих отношений носят их устойчивые отпечатки. Но в ходе обширного исследования семьи я обнаружил, что наряду с ее пятью цивилизационными моделями существуют и две основные современные

³⁵ Эллис Аума Лаквена (1956–2007) — угандийская ясновидящая и целительница, религиозно-политический лидер, основательница Движения Святого Духа. В 1986–1987 гг. возглавляла антиправительственное восстание милленаристского толка в Уганде. — *Примеч. пер.*

³⁶ Джозеф Кони (р. 1961) — глава Господней армии сопротивления, ставящей перед собой цель создания в Уганде теократического государства, основанного на Библии и Десяти заповедях. — *Примеч. пер.*

семейные системы гибридного характера, сформировавшиеся в рамках более поздних волн глобализации и путей к модерну: юго-восточная азиатская и американско-креольская системы.

СИСТЕМЫ «СЕМЬЯ — ПОЛ — ГЕНДЕР»

Все мы — не только наследники, но, как правило, также и участники того, что можно назвать системой «семья — пол — гендер» (family-sex-gender system), определяющей наше происхождение, родство и связи, сексуальные практики и социальные гендерные отношения. Основные мировые системы «семья — пол — гендер» берут начало в пяти главных цивилизациях и даже могут рассматриваться как их центральный элемент, зачастую самый продолжительный и устойчивый на протяжении многих столетий и даже тысячелетий. Поэтому мы исследуем эти системы под общим заголовком «наследие цивилизаций». Но современный мир также включает еще две главных системы, являющиеся цивилизационными гибридами, рожденными в результате волн глобализации: юго-восточную азиатскую и американско-креольскую системы, заслуживающие отдельного внимания. Основное открытие моего исследования семейных структур заключалось в том, что все семь систем все еще активно существуют в современном мире, видоизмененные, но не сводимые друг к другу ([Therborn 2004]; нижеследующие разделы основаны на этой книге).

Конфуцианская восточноазиатская модель семьи

Эта модель охватывает обширную область, исторически отмеченную синской цивилизацией (Китай, Япония, Корея и Вьетнам), и, конечно, включает региональные и национальные варианты. Классический конфуцианский патриархат был видоизменен в Японии и смягчен во Вьетнаме, а в Корее к 1900 г. принял свою наиболее ортодоксальную форму.

Из пяти основных типов отношения в человеческой жизни, определяемых конфуцианством³⁷, отношение между отцом и сыном является самым важным, а сыновняя почтительность —

³⁷ Отношения между отцом и сыном, отношения между братьями, отношения между супругами, отношения между младшими и старшими, отношения между правителем и подданными. — *Примеч. ред.*

главной добродетелью, которой подчинены все остальные семейные и социальные нормы. Брак — это контракт, заключаемый между семьями, который может быть расторгнут по взаимному согласию или по желанию мужа. Как и повсюду за пределами Западной Европы исторически брак был фактически универсален; в общем и целом он таковым остается и сегодня, за исключением ряда столичных городов, таких как, например, Токио и Сингапур. Двоеженство было вне закона, но «наложницы» обладали формальным семейным статусом жен «второго ранга», и их дети признавались законными. Сексуальные отношения всегда считались морально легитимным мужским удовольствием. Идеалом в Китае считалась патрилинейная расширенная семья, в которой вместе живут несколько поколений, в то время как родовая семья с ожидаемым отделением младших женатых сыновей была идеалом в Японии. К патрилинейным предкам должно проявлять почитание, поддерживать домашний алтарь и совершать определенные ритуалы в родовых залах — традиция, которая сегодня возвращается в некоторых районах Китая. Могилы предков — очень важные семейные места, и День уборки могил³⁸ до сих пор является главным днем китайского календаря.

Уважение к родителям и повиновение им — ключевые нормы конфуцианской семьи. Грандиозные политические и экономические трансформации, которые претерпел этот регион, видоизменили присущие конфуцианству отношения между поколениями, но не смогли полностью их искоренить. Современный китайский закон о наличии одного ребенка в семье привел к значительному укреплению положения детей. Старшинство и пол оказывают сильное влияние на общественные отношения как в рамках семьи, так и за ее пределами, но обычая женского затворничества не существует.

Конфуцианство легко приспосабливается к патерналистскому фаимализму в политике и управлении, в том числе корпоративному. Оно просочилось даже в коммунистический язык: во Вьетнаме Хо Ши Мина³⁹ называли «Дядюшка Хо» (в более

³⁸ Судя по всему, речь у Терборна идет о празднике Цинмин («празднике чистого света»), традиционном китайском празднике поминовения усопших. — *Примеч. ред.*

³⁹ Хо Ши Мин (1890–1969) — вьетнамский политический деятель и последователь марксизма-ленинизма, основатель Коммунистической партии Вьетнама, руководитель августовской революции, первый президент

формальных случаях — «Великий Дед»), а главные союзники упоминались как «Старший брат Советский Союз» и «Старшая сестра Китай» [Marr 1981: 132n; Bayly 2007: 187].

Южноазиатская индуистская модель семьи

Я называю эту модель южноазиатской, потому что во многих отношениях она также оказывает влияние на неиндуистские семьи субконтинента, включая мусульманские, хотя отличительные нормы субконтинента являются индуистскими. Брак считается священным обязательством, которое должен выполнять каждый. Надлежащий брак заключается в дарении девственности одной патрилинейной семьей другой. Исторически это подразумевало, что девочки выходили замуж еще до половой зрелости: на рубеже XIX–XX вв. средний брачный возраст для них составлял 10–11 лет. Индуистская вдова не может законно вступить в повторный брак, даже если она остается девственной, хотя светский закон независимой Индии это разрешает. В XX в., благодаря колониальному законодательству, брачный возраст значительно увеличился, однако в сельских районах Южной Азии половина всех девочек выходит замуж моложе 18 лет. В северной Индии брак заключался и заключается до сих пор между представителями разных деревень, что для молодой девушки означает разлуку с родителями и друзьями. Это широко распространенная тема печальных песен.

Брак в принципе не может быть расторгнут, и, за исключением определенных групп брахманов, является моногамным. Брачные соглашения подчиняются правилам кастовой эндогамии и экзогамии происхождения. Унаследованная каста формирует социальное взаимодействие, в том числе у мусульман и христиан, и сегодня сохраняет важное, если не ключевое, значение. Ожидается, что невеста принесет приданое, размер и фактическое содержание которого являются предметом частых семейных споров. В консервативном индуизме высших каст существует обычай *purdah*, или обычай женского затворничества.

Исторический идеал семьи, актуальный и сегодня, — это расширенная патрилинейная семья, включающая женатых сы-

Северного Вьетнама, создатель Лиги независимости Вьетнама и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. — *Примеч. пер.*

новой и владеющая совместной собственностью. Это большой семейный мир, в котором растут дети. Девочками часто пренебрегают, поскольку они должны скоро покинуть семью. Исторически связь между матерью и сыном была очень важна, и сегодня матери — главные свахи своих детей.

С точки зрения гендерных отношений Южная Азия пропитана женоненавистничеством и плохим обращением с женщинами. К этому мы вернемся позже, анализируя жизненные пути человека. Но, как и в случае влиятельных королей старой Европы — Елизаветы I, Марии Терезы, Екатерины II, — династия может превзойти пол. За прошедшие три-четыре десятилетия в Южной Азии было больше политических лидеров женского пола, чем в других частях мира, например, из династии Бхутто в Пакистане, Неру—Ганди в Индии, Бандаранаике в Шри-Ланке. Также можно вспомнить дочь шейха Муджибура Рахмана и вдову Зиаура Рахмана, возглавлявших две конкурирующие партии в Бангладеш⁴⁰. С сексуальной точки зрения сегодня южно-азиатское общество стало крайне строгим, о чем свидетельствуют асексуальные фильмы Болливуда и типичное для Дели начала 2000-х годов полицейское преследование пар, сидящих близко друг к другу или держащихся за руки в публичных местах (здесь я обязан непосредственным наблюдениям моего коллеги-антрополога доктора наук Первиза Муди).

Исламская западноазиатская / североафриканская модель семьи

Ислам, как и христианство, является мировой религией, распространившейся по всему миру. Но за пределами его исторических ареалов на исламский институт семьи значительно повлияли другие культуры, а также региональные процессы изменений, имевшие место в XX в.

Хотя исламский брак — это контракт, не являющийся священным таинством, все типы вопросов, касающихся семьи, пола и сексуальных отношений, в значительной степени регулируются священным законом. В рамках ислама существует важное (хотя сегодня и несколько потерявшее свое значение)

⁴⁰ Речь идет о Шейх Хасине Вазед (премьер-министр Бангладеш в 1996–2001 гг., и с 2009 г. — лидер партии «Лига Авами») и Халеде Зиа (премьер-министр Бангладеш в 1991–1996 гг. и 2001–2006 гг., лидер Националистической партии Бангладеш). — *Примеч. пер.*

мирное разделение на пять крупнейших школ мусульманского права, каждой из которых приблизительно 1200–1300 лет: четыре суннитских и одну шиитскую, преобладающие в различных частях обширного мусульманского мира. Мусульманское право не только выражает общий принцип мужского превосходства (как, например, традиция паулианства в христианстве), но и определяет его через набор конкретных правил: мужское опекуновство, неограниченная полигиния, развод по одностороннему заявлению мужа, патрилинейная принадлежность детей. Однако священный закон также касается защиты индивидуальных прав женщин и прав дочерей на наследство, которое составляет половину наследства сыновей. В нем были признаны права собственности женщин, включая права собственности и правовой статус замужних женщин, задолго до их признания в христианской Европе в XIX в. Сексуальность как таковая в мусульманском мире не рассматривается как нравственно недостойное потворство своим желаниям, но она рассматривается как серьезная угроза социальному порядку. Поэтому она должна строго регулироваться матримониальным порядком. Женская добрачная девственность считается показателем чести семьи. Остаться незамужней или иметь детей вне брака не является легитимным выбором в рамках жизненного пути.

Дети растут в больших патриархальных домашних хозяйствах, которые в прежние времена — а в сельской местности и сегодня, — являлись частью больших единиц патрилинейного родства, кланов и племен. Гордость первым родившимся сыном отражена в арабском обычае именованья, согласно которому мать ребенка обозначается как «умм» (umm) (мать... [имя мальчика]), как, например, Умм Кульсум, широко популярная египетская певица середины XX в. «Абу» (отец) используется менее широко, но такой вариант тоже существует. Поколение палестинских лидеров времен Ясира Арафата использовало этот арабский обычай для создания псевдонимов, которые ассоциируются с их общественными ролями: например Абу Мазен, наиболее часто используемое арабское имя действующего президента Палестинского государства.

Семьи сильно сплочены, и широко распространены браки между кузенами. Детские браки (без вступления в супружеские отношения) одобрены религией, но после их краткого возрождения в первые годы иранской революции сегодня стали редки-

ми. Полигамия, которая всегда была доступна только богатым, в настоящее время также нечастое явление и юридически зависима от прямого согласия первой жены. Количество разводов, раньше совершавшихся достаточно часто и с легкостью для мужчины, сократилось. Дети разведенных родителей всегда остаются под опекуном отца, хотя в современных межкультурных браках это становится предметом ожесточенных споров, и опека над детьми до определенного возраста может быть отдана матери.

Христианско-европейская модель семьи

В своей основе эта система является в гораздо большей степени христианской (при определенной поддержке со стороны германской моногамии), чем греко-римской. Она распространилась на европейские колониальные поселения и на новообращенных христиан за пределами Европы, но зачастую в видоизмененных формах. Составное название отражает ее европейско-христианское происхождение. Отличительными особенностями этой системы являются билатеральное происхождение (важность семьи матери сопоставима с важностью семьи отца), принцип свободы выбора партнера по браку, включая легитимность отказа от вступления в брак, моногамия, отсутствие специального морального обязательства перед предками, критическая моральная оценка сексуальности. Уникальной европейской особенностью была концепция брака, имеющая дохристианские корни и кристаллизованная церковью, правда при этом часто нарушаемая на практике. Брак должен быть вопросом выбора мужчины и женщины, желающих быть вместе, и он должен быть моногамным. Брак как вопрос индивидуального выбора — это исключительно европейская концепция, выдвинутая католической церковью и подтвержденная контрреформационным Тридентским собором в 1560 г. Брачный индивидуализм — это католическая, а не протестантская норма.

Христианство отрицательно оценивало сексуальность. В отношении детей ключевое различие делалось между рожденными в браке и незаконнорожденными. Однако гибкость в вопросах брака подразумевала признание «внебрачных детей», когда речь шла об особо высокопоставленных родителях. Принцип учета родства, как со стороны матери, так и со стороны отца,

предполагал определенный гендерный баланс и возможность большей детской автономии. От девочек не ожидалось, что они «исчезнут» в другой семье после брака. Браки между двоюродными братьями и сестрами не были разрешены католикам, что делало родительский контроль более трудным, чем в исламских странах.

Но и в Европе историческая семья была патриархальной, возглавляемой отцами и мужьями, хотя их полномочия были более ограничены, чем в дохристианском Риме. В Скандинавии еще в XIX в. всем людям давалось отчество, т.е. второе имя, показывающее, что вы приходите сыном или дочерью вашего отца. Исландцы и русские все еще используют эту норму при образовании имен.

В Европе существует культурное разделение на Восток и Запад, зародившееся в раннем Средневековье 1000 или более лет назад и проходящее по линии, идущей от Триеста⁴¹ до Санкт-Петербурга. Она восходит к границам ранних средневековых германских поселений. Значительно упрощая и не принимая во внимание важное исключение латинской Европы, можно утверждать, что эта линия разделила западный вариант нормы нового местожительства, в соответствии с которой в результате брака образовывалось новое домохозяйство, и восточную традицию, согласно которой новая пара обосновывалась у родителей мужа. Поэтому западноевропейские дети, как правило, росли в нуклеарных семьях. К востоку от линии раздела люди женились обычно в молодом возрасте и практически все вступали в брак; на западе же средний возраст вступления в брак был на несколько лет больше, а 10% (а зачастую и более) населения никогда не вступало в брак. Это разделение пережило и появление, и крах коммунизма.

В Западной Европе разделение на Юг и Север проходило через центр Франции. К северу от линии раздела дети и молодые люди, включая выходцев из владеющих собственностью фермерских семей, покидали родительский дом рано, с наступлением половой зрелости или по окончании обучения в школе, работая слугами в других домашних хозяйствах до вступления в брак или получения наследства. К югу от линии раздела моло-

⁴¹ Триест — город в Италии, расположенный в 145 км к востоку от Венеции. — *Примеч. пер.*

дежь, как правило, оставалась со своими родителями до брака. Это разделение, наиболее заметное между Италией и Испанией, с одной стороны, и Центральной и Северной Европой, с другой, все еще сохраняется и сегодня.

Из-за массовой пролетаризации и урбанизации XIX в. стал периодом великого разлада европейской семейной жизни. От трети до половины всех детей — как в главных, так и в менее крупных городах европейского континента, — родились вне брака. Десятки тысяч младенцев были отданы в дома приюта, где уровень смертности обычно значительно превышал 50%. Благодаря успешной индустриализации модель семьи постепенно была восстановлена. Начиная с конца XIX в., возрастает общественное беспокойство о детях, подвергавшихся жестокому обращению, и государственным органам были даны полномочия и вменена обязанность вмешиваться в жизнь неблагополучных семей с целью защиты детей.

Семейные системы Черной Африки

Здесь мы имеем дело, скорее, с группой систем «семья — пол — гендер». Но, несмотря на религиозный плюрализм (включающий христианство и ислам) и огромное этническое разнообразие, этой группе присуще характерное единство. Она имеет особую модель полигамного брака, специфические отношения родства и рождаемости, семейную привязанность к предкам. Происхождение ведется как по женской линии — преимущественно в средней Африке — так и по мужской. Брачные союзы в Африке устраиваются семьей жениха, платившей материальными ценностями или услугами семье невесты; собственность наследуется от одного поколения к другому, как правило, только членами семьи одного пола. Наличие девочек в семье является источником семейного богатства в отличие от традиции Южной Азии.

Африканцы высоко ценят плодovitость как основную цель человеческой жизни, причем в более широком и общем смысле, чем классическое конфуцианство, утверждавшее необходимость продолжения наследственной линии. Хотя в Африке, как и везде, существуют нормы легитимного и нелегитимного сексуального поведения, различие между детьми, рожденными в браке, и внебрачными детьми едва ли было важным. Сексуальная свобода и ограничения сексуального поведения варьируют

среди народов континента, но в целом сексуальность жителей Африки всегда была менее ограничена, чем в исторической Евразии. Полигиния, будучи массовой практикой даже в таких преимущественно католических странах, как Руанда и Бурунди, остается характерной особенностью африканской семьи. Она основана на ключевой исторической роли женщины в сельскохозяйственном производстве. Брачные узы, как правило, относительно слабы, муж и его жена (жены) обычно обладают раздельными средствами к существованию, будь то земельные участки или результаты торговли, осуществляемой женщинами. Отношения между матерью и детьми встроены в более широкие отношения родства и отчасти «размыты» в них. Нередко заботу о детях принимают на себя родственники, многие дети растут без одного из родителей. Африканская семейная система предусматривает большое уважение к возрасту, старшим и предкам, включая особую значимость коллективных обрядов посвящения во взрослую жизнь, а также возрастных групп как основы прав и сплоченности.

Несмотря на возможности сексуальных приключений, открытые для девочек-подростков, в том числе с щедрыми «пожилыми поклонниками», и экономическую независимость трудолюбивых замужних женщин, в африканской системе «семья — пол — гендер» бразды правления принадлежат мужчинам, особенно у мусульманского населения саванны к югу от Сахары и в религиозно смешанной, но в основном христианской, Восточной и Южной Африке.

В мире существуют также две промежуточные, или гибридные, семейные системы, имеющие большое значение: юго-восточная азиатская и американо-креольская модели, которые будут описаны ниже.

Юго-восточная азиатская модель семьи (религиозно-плюралистическая)

Эта модель семейных отношений распространена от Шри-Ланки до Филиппин, включая Мьянму, Таиланд, Лаос, Камбоджу, Южный Вьетнам, Малайзию и Индонезию. Буддистское безразличие в отношении семьи и гибкие малайские традиции объединились здесь для смягчения нормативной жесткости семейных правил, распространенных в других регионах Азии. Это нашло

свое выражение в билатеральных родственных связях, широкой свободе в выборе брачного партнера или, например, среди малайцев-мусульман при принятии решения о разводе. Все еще непревзойденный мировой рекорд по количеству разводов был зарегистрирован в 1950-е годы среди малайцев-мусульман, где решение о разводе могли принимать и женщины. Когда в XIX в. британцы прибыли в Бирму, они были поражены неформальностью брака, подобного сегодняшнему сожителству, поскольку буддистские каноны не предполагали никаких брачных обрядов.

Хотя исторически малайские девочки испытывали сильное давление, побуждающее выйти замуж, молодые девочки-подростки в Юго-Восточной Азии находятся в лучшем положении, чем их ровесницы в господствующих патриархальных системах Азии. Эта модель по-прежнему характеризуется наличием патриархального уклада и мужского господства, но она стала значительно менее строгой и косной, чем в Восточной, Южной и Западной Азии. На Филиппинах она более католическая по сравнению с секуляризованной Европой, но предоставляет женщинам бóльшую свободу, чем классическое европейское христианство.

Американо-креольская семья

В Америке на территории, протянувшейся от юга США через острова Карибского моря к Рио-де-Жанейро и включившей в себя районы испанских рудников и гасиенд от Мексики до Парагвая, сформировалась двойственная семейная система, которую можно назвать «креольской». Она берет начало в американской социально-экономической истории христианско-европейского патриархального управления плантациями, шахтами и земельной собственностью с рабским трудом выходцев из Африки или Индии. Рабам не разрешалось жениться, однако при этом поощрялось их размножение. Женщины легко становились жертвой насилия со стороны белого мужского населения. Нехватка испанских женщин и отсутствие табу на межэтнические сексуальные отношения способствовали рождению метисов, составляющих большинство населения Латинской Америки, вырванных из индейских сообществ и никогда полностью не принятых белым населением.

Следующий фактор двойственности креольской модели семьи заключался в сосуществовании, с одной стороны, строго

патриархальных, управляемых белыми, культурной и семейной систем, зачастую включавших строгую изоляцию женщин (жесткий вариант европейской семьи), а с другой стороны — в сосуществовании форм сегрегации, способствовавших распространению среди черного и индейского населения, метисов и мулатов неформальной модели семьи, одновременно характеризующейся сильной материнской властью (в виду слабости или отсутствия отцов) и благоприятствующей появлению феномена «мачо». Особенно в зоне Карибского бассейна неофициальные сексуальные союзы превратились в господствующий образ жизни. На Ямайке младенцы, родившиеся в браке, всегда составляли меньшинство. Дети росли в семьях, состоящих из матерей и бабушек.

Исторический креольский белый патриархат смешался с господствующей белой американской культурой; период Реконструкции после Гражданской войны⁴² и миграции черного населения на индустриальный север США укрепили афроамериканские семейные структуры, бывшие ранее продуктом бедности и расистской эксплуатации. Но из-за процессов геттоизации и относительного обнищания значительной части афроамериканцев в последние десятилетия, «черная» креольская модель семьи возвращается в Северной Америке и продолжает существовать в зоне Карибского бассейна, в Бразилии и в бедных районах Латинской Америки. Эта система «семья — пол — гендер» характеризуется господством и привилегированным положением мужчин (однако это не патриархальная модель, поскольку отцовство маргинализировано в этой системе), высокой сексуальной активностью и крайне сильными связями родства по женской линии: бабушка — дочь — внучка.

ОТЛОЖЕНИЯ ШЕСТИ ВОЛН ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Где бы мы ни жили, кто бы ни управлял нами в прошлом, на то, кто мы есть, на то, во что мы верим и что помним, воздействуют силы, область действия которых больше, чем наша страна —

⁴² В американской историографии термин «реконструкция» обозначает периоды восстановления экономической и политической жизни. Как правило, термин относится к десятилетию после Гражданской войны (1861–1865), периоду выхода США из Великой депрессии (1929–1933), а также годам, последовавшим после Второй мировой войны. — *Примеч. ред.*

исторические волны глобализации. Под «волной глобализации» здесь понимается расширение, ускорение и/или интенсификация важных социальных процессов до, по крайней мере, трансконтинентального (но не обязательно — планетарного) уровня распространения или воздействия. И временные границы этого расширения/ускорения/интенсификации могут быть определены. Эти социальные процессы, практики и представления, как правило, не появляются и не исчезают одновременно с глобализационной волной, которая поднимается, движется вперед и откатывается, но вода всегда остается на своем месте. Я утверждаю, что для понимания современного мира следует принимать во внимание, по крайней мере, шесть подобных волн.

К предлагаемому списку волн глобализации можно добавить и другие (серьезный кандидат здесь — возвышение евразийской монгольской империи в XIII в.), но в истории человечества они оставили меньше устойчивых отложений, чем те, о которых здесь пойдет речь. Главный исторический эффект недолгого, но захватывающего по своей масштабности правления монголов в Евразии, заключался, вероятно, в том, что оно, разрушив бывший в ту пору центром исламской цивилизации Багдад и ускорив перенос технологий из Китая, способствовало росту Европы (после Великой чумы, когда во второй трети XIV в. относительно спокойный период в Европе закончился распространением по всей ее территории зараженных крыс, вызвавших эпидемию бубонной чумы, унесшей приблизительно треть населения [McNeill 1979: 158]). С другой стороны, *Völkerwanderungen* — миграционные потоки, — начавшиеся с переселения наших общих предков из Африки, оставили заметные следы в процессе заселения земли людьми. Но эти ранние миграции были, скорее, редкими перемещениями населения, а не расширением или интенсификацией социальных процессов, в то время как более поздние миграционные потоки являются частью экономических, политических и культурных волн.

Образование мировых религий и установление границ цивилизаций, IV–VIII вв. н.э.

Цивилизации, как мы их определили ранее, шире власти вождя или благословения священника. В определенном смысле они порождения первой транскультурной, трансполитической

Научное издание

Серия «Социальная теория»

ЙОРАН ТЕРБОРН

МИР: РУКОВОДСТВО
ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Второе издание

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Редактор

НАТАЛЬЯ КУПРИЯНОВА

Верстка

НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор

НАТАЛЬЯ ГОЛИКОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 17.10.2016. Формат 60×90/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 17,4
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 2067. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,

тел.: 8 (499) 270-73-59